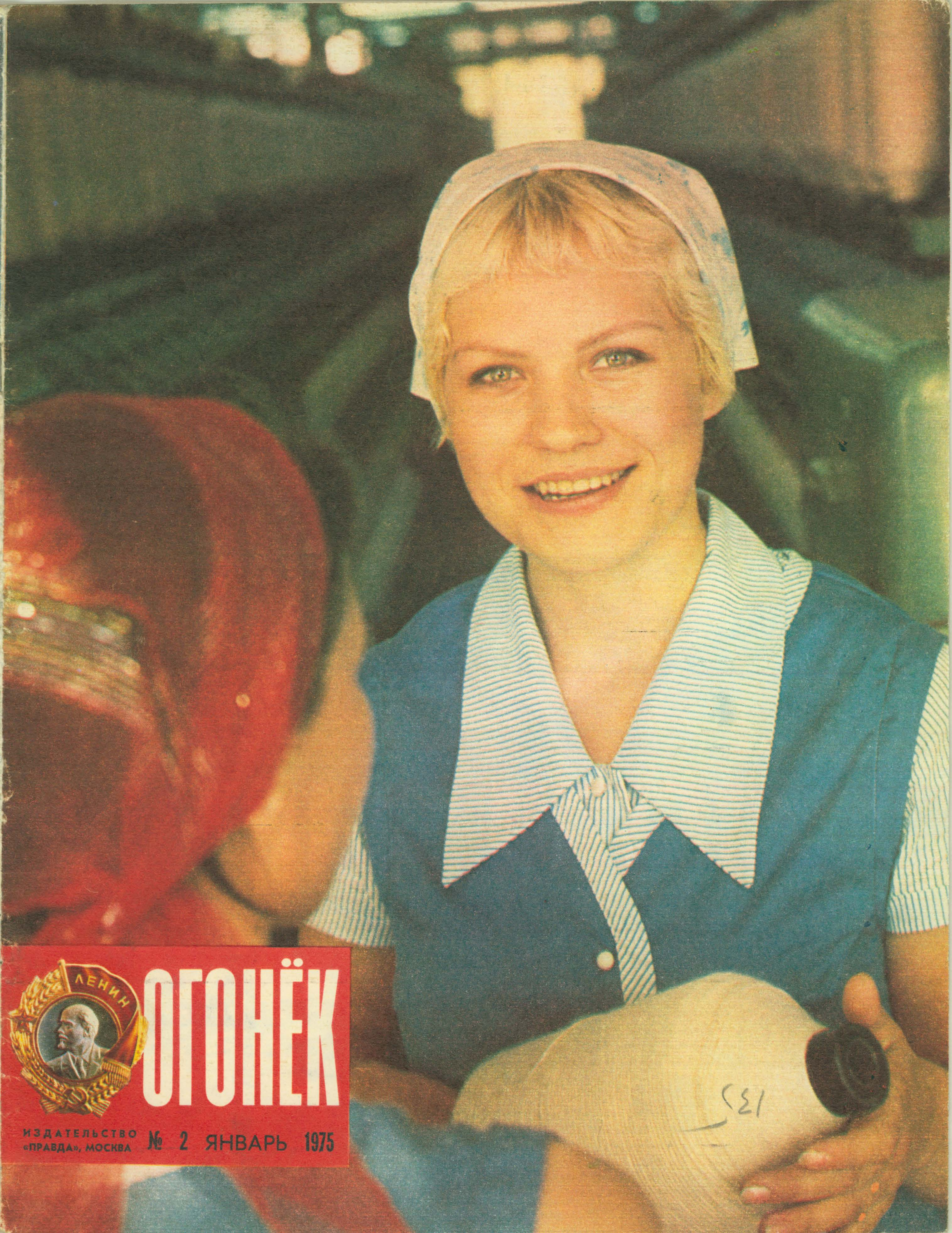

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 2 ЯНВАРЬ 1975

Надя Вязкова, прядильщица.

ЛЕБЕДИ ЛЕТЯТ ВЫ

Виктор Михайлович Бординов ведет рабочее совещание.

Тамара Быкова работает на девяти машинах.

В одном из цехов комбината.

Помощник мастера Владимир Александрович Шабалов.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 2 (2479)

4 ЯНВАРЯ 1975.

Встречный! Полное глубокого смысла слово это, дошедшее до нас с героических времен первой пятилетки, звучит в наше время с новой силой. Советские люди, горячо одобряя решения декабрьского (1974 г.) Пленума ЦК КПСС и второй сессии Верховного Совета СССР, изыскивают возможности для того, чтобы перевыполнить задания 1975 года. Они знают: задания эти нелегкие, но реальные. Более того: задания эти рассматриваются как минимальные. В цехах заводов и фабрик, на строительных площадках в эти первые дни нового года рождаются встречные планы. Используется богатый опыт многих трудовых коллективов, сумевших в минувшем году перевыполнить даже встречные планы.

Об опыте одного такого коллектива — публикуемый репортаж.

Олег ШМЕЛЕВ

Фото Михаила САВИНА, специальные корреспонденты «Огонька»

О лебедях позже. Сначала о вещах более прозаических, хотя и имеющих к лебедям некоторое отношение.

Место действия: город Иваново, камвольный ордена Ленина комбинат имени Ленина. Время действия: с 1971 года по наши дни. Действующие лица: работники комбината, от директора до подсобного рабочего.

То, что задумали дирекция, партийный комитет, профком и комитет комсомола, было очень серьезно и предполагало большую ответственность. Для осуществления замысла обычных организационных мер не хватило бы — тут требовалось коренным образом изменить трудовой климат, в котором жил и работал восьмитысячный коллектив комбината.

Правда, начинать приходилось не на пустом месте. Еще в 1967 году комбинат освоил проектную мощность — шестнадцать с половиной миллионов погонных метров костюмной ткани. Ему было присвоено звание предприятия высокой культуры производства и вручена Ленинская юбилейная почетная грамота. Значит, дело ясное: с государственным планом комбинат научился справляться отлично, даром у нас предприятия наград не получают.

Но теперь замышлялось нечто принципиально иное, чем неукоснительное выполнение обычного плана,— речь шла о встречном плане.

Встречный план — это строгие цифры. Однако прежде, чем они лягут на бумагу, в недрах Ивановского камвольного комбината, в расположенных под одной крышей на площади в двенадцать гектаров многообразных цехах, и прежде всего в душах людей должны были произойти важные перемены...

Наибольший успех возможен тогда, когда каждый рабочий считает честь предприятия своей личной честью. Так обычно и бывает на заводах и фабриках, существующих лет по сорок — пятьдесят: на них успели сложиться прочные традиции. А Ивановский камвольный рожден в 1963 году. Откуда тут быть традициям? Их начали создавать, вкладывая в это дело всю душу.

...Работала девушка Галя Калашник честно, старательно, не рассчитывая на особое внимание к своей персоне. А потом вдруг узнает с приятным удивлением, что ее родители получили письмо:

«Уважаемая Анна Ивановна и Петр Борисович!

В связи с годовщиной ВЛКСМ комсомольская организация производства, где работает Ваша дочь, посылает Вам комсомольскую благодарность за хорошее воспитание Гали.

Спасибо Вам за то, что заложили в характере своей дочери большую активность в жизни, человеколюбие, работоспособность.

Доброго Вам здоровья, отличного настроения.

Комитет ВЛКСМ».

В ответ пришла телеграмма: «За благодарность спасибо. Желаю вам больших успехов в труде. Галя ваше комсомольское доверие оправдает. Калашник Анна Ивановна».

Маленький эпизод, но это уже росток традиции. Потом появился еще один росток.

...Сменный мастер ткацкого цеха № 2 Борис Михайлович Жалов написал в комбинатской многотиражке «Заря» заметку о двух мо-

лодых ткачихах: как они славно работают, как учатся в институте, каким уважением пользуются у подруг по цеху. Девушки эти были из другого города, и Борис Михайлович не поленился, сходил на почту и послал два экземпляра газеты их родителям. Прошло немного времени, и в Иваново из того города приехало на комбинат пополнение — несколько молодых людей. Оказывается, газету читали на собрании десятиклассников в школе, где училась раньше героиня заметки Жалова...

Новичкам на комбинате всегда рады: кадры нужны. Но если к ним относиться только как к рабочим рукам, хорошего будет мало. На многих предприятиях еще велика текучесть кадров. И чаще всего не потому, что заработок не устраивает, а из-за того, что душа не приживается, корни пускать не хочет...

На камвольном поняли, что для молодого человека заработок очень важен, но это не самое главное. Одна девушка как-то призналась комсоргу цеха, что был такой момент — собралась уходить, поискать где-нибудь место повеселее и народ пообщительнее: она почему-то испытывала чувство отчужденности. И вдруг в день своего рождения видит на стенде в цеху поздравление, ребята букет цветов преподнесли, а после в доме отдыха отпраздновали ее совершеннолетие, и на именинном пироге горело восемнадцать свечей. Разве после этого уйдешь? Сразу пропала хандра и охота к перемене мест. А позаботился обо всем цеховой «Совет внимания»...

Но рождение традиции предполагает не только голубое и розовое. Чтобы стать настоящей и крепкой, она должна нести в себе строгость, она обязана предъявлять человеку принципиальные требования, лишь при этом условии ее будут уважать.

Особый стиль традициям Ивановского камвольного придает одно суровое правило, которое зародилось в бригаде коммуниста В. Н. Емельчикова. То, что бригада, повысив производительность машин на десять процентов и доведя выработку ленты до 77 килограммов в час, закончила свой годовой план на полтора месяца раньше срока,— факт большой значимости. Но в данном случае важнее другое: все девять человек бригады дали друг другу слово до конца пятилетки работать вместе, в одном составе. Только какое-то чрезвычайное стечение обстоятельств могло заставить члена бригады уйти с комбината, и в таком случае он должен был получить согласие своих товарищей, не иначе.

Партком обратил внимание на этот, казалось бы, не первостепенной важности пункт, записанный в обязательствах бригады Емельчикова. И возникло правило, которое можно считать выражением коллективного чувства чести и самолюбия: тех, кто бросил свой коллектив без уважительной причины, а потом пришел проситься обратно, просто так не принимают.

Кое-кто в свое время всерьез к этому решению не отнесся, а теперь кусает локти.

...Поступила на комбинат молодая женщина Ч., поставили ее на гребнечесальную машину. Товарищи из старших, мастера научили ее всему, что знали сами. Оказалась она прекрасной ученицей и вскоре сама стала специалистом высокой квалификации. За хорошую работу ее наградили орденом «Знак Почета». Но известно, что слава иногда кружит людям голову. Не прошло и месяца с момента вручения Ч. ордена, а ее вдруг будто подменили. Прежде ровная и чуждая заносчивости, она стала покрикивать на подруг, дерзить тем, у кого еще совсем недавно училась работать, и вообще всячески подчеркивать свою исключительность. Обстановка в смене создавалась такая, что работницы из-за стычек с Ч. нервничали, настроение падало, а без хорошего настроения много ли наработаешь?

Никто не предлагал Ч. писать заявление «по собственному желанию». Ее пытались образумить, терпеливо ждали, что одумается, поймет. Расставаться с хорошей работницей цеху не хотелось. Однако Ч. ничего не поняла, кроме того, что оставаться ей на комбинате при сложившейся ситуации дальше невмоготу, и подала заявление об уходе по собственному желанию уже без всяких кавычек.

Минуло несколько месяцев, и она попросила принять ее снова, мол, осознала, что без комбината жить не может и что была неправа.

По уже действовавшему тогда правилу собрали работниц цеха и объявили о просьбе Ч. Собрание проголосовало решительно — отказать. Сейчас Ч. работает в другом месте и горько сожалеет о происшедшем...

Бывают и исключения из правила, но они тоже работают на идею...

В ровничном цехе трудился помощником мастера Вячеслав Алексеевич Аксенов. Ценили его за знания, за умение обращаться с людьми. И никак не ожидали, что в один непрекрасный день он подаст заявление об уходе. Уважительных причин никаких. Разве что счесть таковыми желание перебраться поближе к Москве. Попробовали отговорить — не поддался. Отпустили.

А по прошествии недолгого времени вернулся Аксенов, попросился на прежнее место. Ему говорят: есть порядок, ты его знаешь,— соберем твоих собратьев, помощников мастеров, как они решат, так и будет.

На первом собрании Аксенову отказали. Он опять явился с поклоном, объяснял, что нет ему другого пути в жизни и никакой другой возможности — только на комбинат. И тогда вняли Вячеславу Алексеевичу его товарищи, написали, что они не против возвращения Аксенова в цех... Обратите внимание: не администрация определяет судьбу того или иного человека, а сами рабочие...

Тут напрашивается неуклюжая дежурная фраза: «Примеры подобного рода мы могли бы умножить». Их действительно можно приводить без конца, упомянув, например, о клубе «Эстетика», созданном при комитете ВЛКСМ, о художественном совете при парткоме, о «Дне любимой профессии»... И все относится к созданию того климата, о котором, задумав большое новое дело, мечтали руководители комбината. И вот настал момент для следующего шага...

На производственном языке это называлось так: комбинат собирался принять напряженный план-обязательство. В просторечии, памятном с великих дней первых пятилеток,— встречный план. Существо проблемы можно выразить в процентах. Скажем, предприятие несколько лет подряд выполняло план на 105 процентов. А теперь оно решило эти 105 принять за 100, то есть 5 процентов сверхплановых включить в законный план.

С точки зрения собственного кармана, вроде донкихотство какое-то. За сверхплановые-то проценты и знамя тебе переходящее и премии. А ты включаешь их в плановые — значит, сам себя ставишь по сравнению с другими в более тяжелое положение.

Но директор комбината Виктор Михайлович Бординов и партийный комитет рассуждали иначе. Они просто хотели по-настоящему использовать внутренние резервы коллектива для того, чтобы выпускать как можно больше продукции — костюмных тканей и чтобы ткани эти были самого хорошего качества.

Цепочка простая: комбинату даны контрольные цифры — по валу, производительности труда и по многим другим показателям... На их основе составляется план. И контрольные цифры и план исходят из возможностей оборудования и высчитанных на основе предыдущего опыта возможностей людских.

Значит, подняться выше любое предприятие может за счет того, что называется внутренними резервами коллектива. И плюс техническое перевооружение.

Так замкнулась в кольцо цепочка: коллектив — встречный план. Звеньев в ней много, все не опишешь и в толстой книге, тем более трудно рассказать обо всем, что было сделано на комбинате за прошедшие четыре года.

Однажды с утра по всему комбинату появились транспаранты с призывом: «Камвольщик! Комиссия по разработке пятилетнего плана приступила к работе. Подумай, что можно сделать для повышения производительности труда и улучшения качества продукции на своем рабочем месте, в бригаде, цехе, по комбинату в целом. Какие резервы мы еще не использовали? Помни, успех зависит от личного трудового вклада каждого работника. Ждем твоих предложений, товарищ!»

В гребнечесальном спросили у Тамары Быковой:

— Слушай, Тамара, могла бы ты не шесть машин обслуживать, а побольше?

Она немного подумала и сказала:

— Вообще-то можно, да только...

— Что только?

— Машины бы по-другому поставить.

Поставили по-другому, и теперь Тамара работает на девяти машинах. На заводском языке это именуется увеличением зоны обслуживания. Время, конечно, уплотнилось, но и заработок у Тамары увеличился: получала 120 рублей, сегодня — 160. Да к тому же в цеху места освободилось много, при необходимости увеличить производство можно поставить новые машины.

А всего комиссия по разработке встречного пятилетнего плана рекомендовала к внедрению более четырехсот предложений рабочих, помощников мастеров, мастеров, инженеров.

Что касается технического перевооружения, то вот один показательный пример.

Испокон веку существовала на камвольных предприятиях в гребнечесальных цехах такая система. Очес с машин вручную загружался в баки или ящики, на это работница тратила за смену много сил и времени. Затем специально поставленный для этого подсобный рабочий вез баки в соседнее помещение, где очес взвешивался и вручную же загружался в пресс, чтобы превратиться в кипу и отправиться на суконный комбинат или на иное родственное предприятие.

На Ивановском камвольном со стариной покончили. К гребнечесальным подвели малые пневматические трубы, воздух отсасывает очес, гонит его в лабаз, а из лабаза по большой трубе — прямо на пресс. Никакого ручного труда, все автоматизировано.

Короче говоря, встречный план сейчас — будни комбината, напряженные будни, но уже размеренные, четкие, не вызывающие лихорадки, суматохи, штурмовщины. И этому не удивляешься, когда знаешь, что рядом с помощником мастера ткацкого цеха Николаем Михайловичем Харитоновым, кавалером ордена Ленина, работает помощник мастера, кавалер ордена Октябрьской Революции Владимир Александрович Шабалов, в одном строю с крутильщицей Евгенией Васильевной Лючиной стоит ткачиха Александра Семеновна Годовицина, а за ними и с ними вместе — еще сотни таких же хороших мастеров и рабочих.

Если чему и удивляешься, так это молодости людей, успевших так быстро обогатиться драгоценным опытом совместного преодоления трудностей: средний возраст работников комбината — двадцать четыре года.

Хотя уже к началу девятой пятилетки проектная мощность комбината была перекрыта на восемь процентов, камвольщики нашли возможность по новому плану увеличить валовую продукцию в 1974 году на 18,3 процента, а встречный годовой план выполнить на 101,5 процента. Но не в одних процентах дело. Встречные планы предприятий имеют гораздо более глубокий смысл.

— Во-первых,— сказал Виктор Михайлович Бординов,— они обеспечивают широкий шаг всего строя — коллектива в целом, а не только группы передовиков. Во-вторых, обеспечивается плановое распределение сырья и готовой продукции, а этим достигается ускорение оборачиваемости рубля. В-третьих, не будет возникать диспропорция между отдельными отраслями промышленности.

Ивановские ткани идут нарасхват, они по-настоящему хороши (между прочим, в продажу поступает только три процента продукции камвольного, остальное забирают швейные фабрики). И камвольщики вовсе не виноваты, если иные швейники так плохо раскраивают предлагаемые ивановцами ткани, что костюмы залеживаются в магазинах.

...У камвольщиков в их отделе технического контроля — все двести пятьдесят миллионов советских граждан.

У ивановцев особые понятия о чести: в нынешнем году отмечается 70-летие первого в России общегородского Совета рабочих депутатов — он был создан в Иваново-Вознесенске.

Честь марки камвольного комбината ронять неудобно и по причине другого свойства: марка эта — пара летящих лебедей. Хотел того автор рисунка или не хотел, но марка получилась символическая: лебеди летят высоко...

Москва. Большой Кремлевский дворец. 24 декабря 1974 года. Сессия Верховного Совета РСФСР.

Фото А. ГОСТЕВА

РОССИЯ В ГОДУ ЗАВЕРШАЮЩЕМ

В знаменательное время встретились в Большом Кремлевском дворце посланцы всех автономных республик, краев и областей России. Большие трудовые свершения советского народа в четвертом году пятилетки обеспечили дальнейшее развитие народного хозяйства страны. Пленум Центрального Комитета КПСС, на котором с большой речью выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев, и состоявшаяся затем сессия Верховного Совета СССР обсудили и одобрили проекты Государственного плана развития народного хозяйства СССР и Государственного бюджета СССР на 1975 год.

...24 декабря. Большой Кремлевский дворец. Бурными, долго не смолкающими аплодисментами, стоя, депутаты и гости встретили товарищей Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, А. А. Гречко, В. В. Гришина, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгина, Ф. Д. Кулакова, К. Т. Мазурова, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорного, Д. С. Полянского, М. А. Суслова, А. Н. Шелепина, П. Н. Демичева, Б. Н. Пономарева, М. С. Соломенцева, Д. Ф. Устинова, В. И. Долгих, И. В. Капитонова, К. Ф. Катушева.

Депутаты заслушали и обсудили доклад заместителя Председателя Совета Министров РСФСР, председателя Госплана республики депутата Н. И. Масленникова о Государственном плане развития народного хозяйства РСФСР на 1975 год и доклад министра финансов Российской Федерации А. А. Бобровникова о Государственном бюджете РСФСР на 1975 год и об исполнении Государственного бюджета РСФСР за 1973 год.

Депутаты единогласно приняли Закон о Государственном плане развития народного хозяйства РСФСР на 1975 год и Закон о Государственном бюджете РСФСР на 1975 год.

FREE ALL POLITICAL PRISONERS IN CHILE
VENCEREMOS
"EL PUEBLO UNIDO JAMAS SERA VENCIDO"
AM 8489
3
4
1
5
2

6

7

1

Во всем мире ширится движение солидарности с чилийским народом против бесчинств, творимых фашистской хунтой Пиночета и его сообщников. Уже более года содержатся в тюрьмах в качестве военнопленных такие выдающиеся деятели правительства и партий Народного единства, как Луис Корвалан, Клодомиро Альмейда, Ансельмо Суле, Педро Фелипе Рамирес и многие другие.

Прогрессивная общественность Соединенных Штатов решительно выступает против преступлений чилийской хунты, превратившей страну в огромный концентрационный лагерь. «Свободу всем политическим заключенным Чили!»— требуют жители Нью-Йорка.

2

Шестую годовщину жизни с пересаженным сердцем отметил 54-летний марселец Эммануэль Витриа, «старейший» из французов, перенесших эту операцию. Чувствует он себя хорошо.

3

Почти двадцать дней бушевал огонь на перевозившем сжиженный газ японском танкере «Юе-Мару» после его столкновения в Токийском заливе с либерийским сухогрузным судном «Пасифик элайс». Японское правительство вынуждено было принять решение о затоплении танкера. В противном случае пожар на нем продолжался бы еще около двух месяцев, представляя опасность для судоходства в этом районе. В операции по потоплению танкера приняли участие четыре эсминца, подводная лодка и вертолеты. Судно затонуло лишь спустя десять часов после того, как были использованы все средства: артиллерийский и ракетный обстрел, бомбардировка с воздуха и торпедирование.

На снимке: японский военный корабль ведет обстрел горящего танкера.

4

Венеция — подлинная сокровищница не только итальянского, но и мирового искусства — находится на грани гибели. Постоянные наводнения, периодически повторяющиеся на протяжении последних десяти лет, грозят погубить этот единственный в мире чудо-город, построенный в середине V века на 118 островах. Морская вода безжалостно размывает фундаменты зданий неповторимого города, жилые дома приходят в негодность, люди уезжают на «твердую землю», чтобы никогда сюда не вернуться.

5

Зарубежная печать сообщает о все увеличивающемся потоке беженцев из КНР. Тысячи китайцев, мужчин и женщин, бегут в Гонконг, поскольку жизнь в маоистском Китае становится все тяжелее. Многие проникают через проходящую по суше границу, где им приходится преодолевать заграждения из колючей проволоки и прятаться от китайских часовых или подкупать их. Тысячи других избрали опасный морской путь, добираясь до безлюдных участков побережья на ворованных лодках или самодельных плотах. Часто эти люди пускаются вплавь, используя бревна или камеры от автомобильных покрышек, чтобы не утонуть. Сильное течение в заливе относит пловцов в море, удлиняя их путь. Там их подстерегает угроза нападения акул. Согласно подсчетам, 28 тысяч беженцев, главным образом из провинции Гуандун, нелегально прибыли в Гонконг за последние 11 месяцев. Объектив запечатлел группу пловцов, нелегально проникших в Гонконг.

6

Расисты Бостона уже больше трех месяцев препятствуют осуществлению решения городских властей о введении совместного обучения детей белых и негров в школах. Бесчинства расистов у школ, в результате которых многие негритянские дети попали в больницы с травмами и увечьями, угрозы в адрес родителей привели к срыву учебного года для тысяч детей. Вы видите, как полиция пытается утихомирить расистов.

7

Бразильские бедняки вынуждены ютиться в фавелах. Так называют в Бразилии ветхие лачуги в трущобах. Они опоясывают один из самых красивых городов мира — Рио-де-Жанейро. По официальным данным, в начале 1970-х годов каждый его четвертый житель ютился в фавелах. Лишенные элементарных удобств, обитатели лачуг, живущие в антисанитарных условиях, страдают от туберкулеза, кишечных заболеваний. Особенно высока смертность среди детей.

Фото ТАСС, из журналов «Тайм», «Ньюсуик».

ЕВРОПА: ПЕРЕЛОМНЫЙ РУБЕЖ

Альберт ГРИГОРЬЯНЦ

Наш поезд вышел из Москвы вечером. Промелькнула ночь. Прогромыхал на стыках рельсов день. Опять поплыли за окном бесчисленные огни чужих городов и поселков... И вот уже на сером фоне дождя перед нами поднимается Эйфелева башня. Мы пересекли почти всю Европу. Она велика и вместе с тем в наш век стала удивительно маленькой. Народы, населяющие ее, стали ближе друг к другу.

Читая мемуары видного французского государственного деятеля XVI—XVII веков Сюлли, К. Маркс подчеркнул такую фразу автора: «Я утверждаю, что главное, в чем заинтересована вся Европа,— это мир...» Стремление к надежной безопасности на нашем континенте постоянно жило в сердцах европейцев. Но только в наше время, отмеченное крутыми сдвигами в судьбах народов, возникла реальная возможность перешагнуть рубеж, за которым останутся напряженность, взаимное недоверие, кровавые конфликты.

В 1975 году исполняется ровно тридцать лет с того дня, когда на европейской земле замолкли пушки, перестала литься кровь. Леонид Ильич Брежнев говорил: «Общий долг всех, кто заинтересован в том, чтобы трагедии прошлого никогда более не повторялись,— сделать все для надежного закрепления устоев европейского мира. Скорейшее успешное завершение работы общеевропейского совещания на самом авторитетном уровне будет, как мы убеждены, очень важным шагом в этом направлении».

Народы Европы связывают большие надежды с завершением совещания. Каждая страна может внести вклад в успех начатого дела. Тем более весомым может быть вклад ведущих держав континента, если они действуют согласованно. Нельзя не отметить поэтому ту позитивную роль, которую играет в судьбах современной Европы советско-французское согласие. СССР и Франция стояли у истоков перестройки взаимоотношений между государствами с различным общественным строем. Советско-французское сотрудничество и по сей день остается хорошим примером мирного сосуществования и добрососедства между великими державами, принадлежащими к различным социальным системам.

В декабре 1974 года проходила новая советско-французская встреча на высшем уровне. Мне довелось быть в те памятные дни в Рамбуйе. Свыше 300 журналистов освещало рабочую встречу Л. И. Брежнева и В. Жискар д'Эстэна. Особенно много было среди них представителей прессы европейских стран. Да, Европа с особым интересом следила за беседами в замке Рамбуйе, поскольку их результаты далеко выходили за рамки двусторонних отношений и приобретали общеевропейское значение.

Развитию обстановки в Европе было уделено особое внимание. Л. И. Брежнев и В. Жискар д'Эстэн выразили удовлетворение тем, что улучшение отношений между странами Востока и Запада континента расширяет возможности Европы вносить вклад в международную разрядку.

Предметом углубленного рассмотрения явился ход работы Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Обе стороны вновь подчеркнули большое значение, которое они придают этому совещанию, представляющему собой важнейшее звено процесса дальнейшей разрядки в Европе. Они констатировали, что «созданы хорошие предпосылки для завершения совещания в кратчайший срок, для проведения его третьего этапа и подписания заключительных документов на высшем уровне».

Прошло несколько дней, и из Женевы поступили оптимистические вести: дипломаты 35 стран разъезжались на перерыв в работе Совещания по безопасности и сотрудничеству с сознанием того, что главная часть задач по выработке текстов заключительных документов решена. Сформулированы восемь из десяти принципов основного политического документа, призванного стать кодексом мирных отношений в Европе. Близка к завершению работа над текстами по вопросам сотрудничества в области экономики, торговли, науки и техники и окружающей среды; произошли сдвиги при рассмотрении вопросов гуманитарного обмена. Словом, достигнуты солидные результаты. При этом нельзя не видеть, что итоги переговоров в Рамбуйе, как и результаты владивостокской встречи Л. И. Брежнева с президентом США Дж. Фордом, самым благотворным образом сказались на работе второго этапа общеевропейского форума.

Конечно, трудностей еще немало. Кое-кто в стенах НАТО брюзжит относительно того, что, дескать, «прогресс в Женеве отсутствует». Другие продолжают бубнить что-то об «уступках», которые, мол, должны сделать социалистические государства. Но сегодня уже неоспоримо то, что форум Европы близится к концу. Он может быть завершен уже в первой половине 1975 года.

...В последний день пребывания в Париже друзья повезли нас на бульвар Сталинграда. Бульвар жил в этот декабрьский день своей размеренной жизнью. Мирной жизнью, во имя которой в минувшую войну плечом к плечу боролись советский и французский народы, во имя которой сегодня настойчиво борется вся передовая мыслящая Европа.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ДРУЗЬЯ ЗЕНТЫ ОЗОЛЫ

«Зента вернулась» — так назывался очерк, опубликованный в 25-м номере «Огонька» (1973 г.), посвященный рижской школьнице Зенте Озоле. Редакция получила много откликов не только от советских, но и от зарубежных читателей «Огонька». Однако главная почта на эту тему приходит по адресу теплохода «Зента Озола». Так было названо новое рефрижераторное судно Латвийского морского пароходства. Много писем получила и продолжает получать мать героини — Берта Карловна Озола.

«...Я прочла о Зенте Озоле. Я хочу узнать еще и о ее жизни потому, что она была моей ровесницей, и еще потому, что она была очень смелой, а я люблю смелых людей...»

Это строки из письма Росицы Георгиевой Янковой. Оно пришло в редакцию из болгарского города на Дунае Русе.

И вот мы вновь в Риге. Заместитель начальника Латвийского морского пароходства Валдис Якубович Скуиньш рекомендует сразу же отправиться в Андреевскую гавань.

— Думаю, не будет преувеличением, если скажу, что у Озолы по меньшей мере тысячи друзей. И не только дома, в Советском Союзе, но во Франции, Голландии, Дании, Бразилии, Польше, ФРГ, на Кубе, на Канарских островах...

В гостях у моряков. **Фото М. Савина.**

Впрочем, вы сами скоро обо всем узнаете...

По знакомому трапу поднимаюсь на судно.

Зента Озола — юная героиня моего очерка. Ее боевая жизнь началась еще дома, в Риге: Озола оказывала медицинскую помощь раненным осколками фашистских бомб, упавших на ее родной город в первый день войны — 22 июня 1941 года. Потом она ушла на фронт, стала санинструктором, затем журналисткой, корреспондентом дивизионной газеты «Латышский стрелок». Защищала Москву, участвовала в боях за Старую Руссу и 9 декабря 1942 года неподалеку от Старой Руссы, выполняя боевое задание, пала смертью храбрых.

Тридцать лет спустя Латвийское пароходство присвоило своему новому рефрижераторному теплоходу ее имя.

Первый помощник капитана Иосиф Иванович Омельченко предлагает пройти в пассажирский салон.

— Да, судно наше грузовое, но во время стоянок в заграничных портах превращается чуть ли не в туристское. Только бросим якорь, и к нам устремляются гости. Все интересуются Зентой Озолой. — И Омельченко показывает на портрет юной героини. — Поднявшись на борт теплохода, гости первым долгом спрашивают: «Кто эта девочка?» Вопрос этот бесконечно повторяется на разных языках: испанском, французском, немецком, английском...

Многие потом вновь приходят, чтобы возложить цветы к портрету Зенты. Приходят не только с цветами. После первого рейса в Сен-Назер два молодых французских докера подарили нам альбом, открывавшийся репродукцией репинского полотна «Годовой поминальный митинг у стены Коммунаров на кладбище Пер-Лашез в Париже». И вот представьте: эти же ребята в один из повторных наших приходов во Францию являются к нам на теплоход с картиной, на сей раз собственного исполнения.

На стене мы увидели великолепную акварель: теплоход «Зента Озола» в Сен-Назере. Корабль залит ярким южным солнцем, весь белый, сверкающий иллюминаторами.

И вот другая история. В декабре стоим на Кубе, в порту Хукаро. Приходят кубинские комсомольцы и вместе с нами отмечают день рождения Зенты. Отправили в далекий латышский хутор Кратцес на Даугаве радиограмму Берте Карловне Озоле, матери Зенты. Кстати, если уж речь зашла о почте, то вряд ли найдется другое судно Латвийского пароходства, которое получало бы столько писем, сколько мы. И все они, в сущности, адресованы Зенте Озоле. Вот одно из последних. Оно пришло из Сибири: «Дорогие друзья! Не знаю, дойдет ли наше письмо до адресата, но все же мы полны надежды получить ответ. Об экипаже вашего корабля, носящего имя Зенты Озолы, мы, пионеры, Саргатской средней школы, Омской области, прочитали в очерке «Зента вернулась». Наш пионерский отряд борется за право носить имя Зенты Озолы. Наша цель — узнать как можно больше о героине. А в лице экипажа, который носит ее имя, иметь новых друзей, которые помнят и чтят память Зенты. Очень просим ответить на наше письмо. С пионерским приветом совет отряда средней школы, 5-й «В» класс». Другое письмо: «Каждую весну и осень мы едем к матери Зенты, чтобы помочь ей в полевых работах. А на средства, которые зарабатываем на субботниках в колхозе, отвозим маме Зенты картофель, дрова и сено для ее козочки. Но вот дрова сложены, картофель и овощи убраны. И мы вместе с матерью и сестрой Зенты сидим у костра и поем им те песни, которые любила Зента, когда она была такой же, как мы, школьницей». Это написали пионеры средней школы № 1 Екабпилса. А школьники Днепропетровской области (г. Желтые Воды) прислали на теплоход свои фотографии, на которых снялись в бескозырках, а на ленточках — имя Зенты. Пионеры московской школы № 19, что в Новых Черемушках, назвали свой отряд ее именем, а за хорошую учебу их наградили поездкой в Ригу.

Я встретился с Бертой Карловной в Риге, куда она приехала из Кегумса, чтобы вместе с дочерью Велтой и фронтовыми подругами Зенты — Инесой Яновной Спура, редактором детского журнала «Драугс», Милдой Кандате, сотрудницей Института истории партии Латвии,— отправиться по приглашению экипажа на теплоход «Зента Озола». Берта Карловна говорит, что у нее сейчас появились тысячи новых детей, таких же хороших, заботливых, словно родные.

— Они делают для меня все, чтобы моя старость была спокойной и безоблачной. Однажды, когда я уехала в Ригу, они без меня устроили генеральную уборку в доме, а в завершение испекли громадный пирог. Представляете себе, возвращаюсь домой, а стол накрыт, меня зовут к столу мои дети!

В заключение хочется привести несколько строк из письма первого помощника капитана Омельченко:

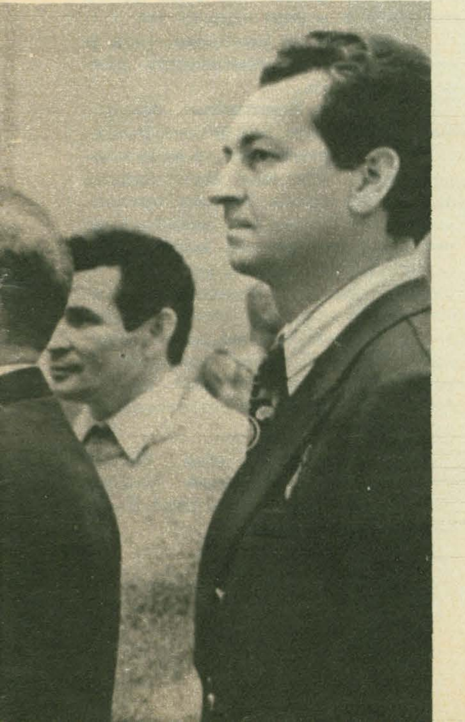
«У нас на судне побывали дорогие гости: мать Зенты, сестра и ее боевая подруга Инеса Спура. Состоялась теплая встреча с членами экипажа. Затем гости осмотрели судно и наш «уголок Зенты». Мать искренне благодарила экипаж за внимание и добрую память о ее дочери, а Велта Юльевна обещала помочь оформить нам музей Зенты. По нашей инициативе в Интерклубе пароходства развернута выставка работ Велты Юльевны, где выставлены ее лучшие картины, в том числе на которых изображена Зента во фронтовой обстановке. Выставка вызвала большой интерес у моряков. Ее посетили все члены нашего экипажа. В ближайшие дни состоится встреча с учащимися нашей подшефной пятой средней школы имени З. Озолы. Вскоре группа членов экипажа поедет к Берте Карловне в деревню, поможет ей в заготовке дров, ремонте дома и в других работах».

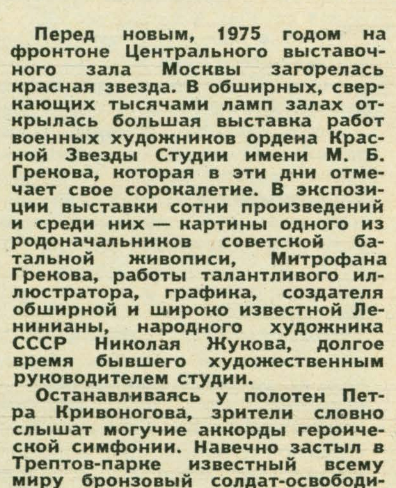
Биография юной героини Великой Отечественной войны продолжается. Живет память о Зенте в сердцах ее искренних, верных друзей.

З. ХИРЕН

ИМЕНИ ГРЕКОВА

Перед новым, 1975 годом на фронтоне Центрального выставочного зала Москвы загорелась красная звезда. В обширных, сверкающих тысячами ламп залах открылась большая выставка работ военных художников ордена Красной Звезды Студии имени М. Б. Грекова, которая в эти дни отмечает свое сорокалетие. В экспозиции выставки сотни произведений и среди них — картины одного из родоначальников советской батальной живописи, Митрофана Грекова, работы талантливого иллюстратора, графика, создателя обширной и широко известной Ленинианы, народного художника СССР Николая Жукова, долгое время бывшего художественным руководителем студии.

Останавливаясь у полотен Петра Кривоногова, зрители словно слышат могучие аккорды героической симфонии. Навечно застыл в Трептов-парке известный всему миру бронзовый солдат-освободитель работы Евгения Вучетича, тоже бывшего студийца. А разве можно забыть полные оптимизма плакаты Леонида Голованова «Дойдем до Берлина!», «Дошли!»? Бесценны фронтовые зарисовки Владимира Богаткина и Виктора Климашина, сохранившие для нас эпизоды сражений и фронтовых будней.

Не все грековцы вернулись с фронта. Взрывом фашистского снаряда был убит талантливый живописец, старшина студии Карло Гогиберидзе, ранены студийцы Николай Беляев и Геннадий Прокопинский.

В залах Манежа зрители увидят и произведения ветерана — народного художника СССР Петра Мальцева и нынешнего художественного руководителя студии народного художника РСФСР Марата Самсонова.

Вместе с заслуженными художниками Российской Федерации Н. Бутом, В. Дмитриевским, П. Жигимонтом, А. Интезаровым, В. Кузнецовым, Г. Марченко, Н. Овечкиным, Г. Постниковым, Г. Прокопинским, В. Переяславцем, Н. Присекиным, Ф. Усыпенко успешно выступают и молодые художники, пополнившие коллектив студии.

Выставка называется «В боевом строю». Это очень верные и емкие слова: сорок лет наравне с другими частями и подразделениями наших Вооруженных Сил несет боевую службу коллектив грековцев. Плечом к плечу с воинами других специальностей на учениях, в море и небе, на стартовых позициях и площадках, в казармах и, конечно, в своих мастерских художники оттачивают умение снайперского видения, точного удара кисти, резца, карандаша.

Г. МАКАРОВ

НА СНИМКЕ: заслуженный художник РСФСР Г. Н. Постников рассказывает летчикам-космонавтам СССР В. А. Шаталову и В. И. Севастьянову о работах грековцев.

К. М. Сиваш.
Фото М. Савина.

НЕВЕРОЯТНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Государственной премии СССР за 1974 год удостоены доктор медицинских наук К. М. Сиваш, доктор медицинских наук М. И. Панова, доктор медицинских наук В. Н. Гурьев, инженеры А. А. Ковалев и Е. М. Гусев за создание и внедрение в медицинскую практику искусственного титано-кобальтового тазобедренного сустава.

Римма ЛИХАЧ

Искусственный металлический сустав для человека. Некоторые, услышав, говорят: «Потрясающе, трудно себе представить». Действительно, изобретение это можно назвать фантастичным, но оно реально. И я могу поделиться не сторонними ощущениями, а точно определяющими, что значит это изобретение для человека.

С понятием «эндопротез» я познакомилась в начале пятидесятых годов. По заданию редакции пришла тогда еще в старое здание Центрального института травматологии и ортопедии в Москве. Там мне посоветовали: обязательно зайдите в конструкторское бюро Сиваша. Эта комната резко контрастировала со всем увиденным ранее. Кульманы, чертежные доски, на них листы ватмана. Подумалось: «Как на заводе». Сотрудники пояснили: работаем над созданием металлического тазобедренного сустава. Это было невероятно и представлялось по крайней мере делом очень далекого будущего. Константин Митрофанович Сиваш был в отпуске, встретиться с ним не довелось. Я ушла из КБ, не совсем веря в реальную возможность замены пусть больного, но «живого» сустава настоящей металлической конструкцией.

Шли годы. И вот в 1970 году я вновь пришла в ЦИТО. Теперь уже к известному профессору Сивашу. Пришла не по редакционному поручению — меня привела постоянная, непрекращающаяся боль в суставе и безуспешность всех других способов лечения...

Константин Митрофанович располагает к себе моментально: обстоятельный, энергичный, веселый и, что очень важно для больного, отзывчивый, умеющий сострадать. Это видно по его глазам, когда он смотрит и слушает. Таким людям веришь сразу, потому что чувствуешь: тебе хотят помочь. Я рассказала профессору о первом своем посещении КБ и добавила, что теперь вот сама нуждаюсь в его помощи, знаю, что сделано много подобных операций, и все равно боюсь.

Тогда Константин Митрофанович, очевидно, чтобы меня успокоить, поведал всю историю от самого «сотворения».

В 1956 году он сделал первое сообщение об искусственных суставах, предварительно проверив тридцать вариантов на ста собаках. Сказали: заманчиво, но рискованно. Трудно было молодому хирургу отстаивать свою идею и привлекать сторонников. Слишком дерзкой казалась такая операция. За границей несколько видных хирургов, пробовавших менять только одну головку разрушенного сустава, отказались от дальнейших экспериментов — через непродолжительное время головки разрушались.

— Надо мной подтрунивали, но я был одержим, — рассказывал Сиваш, — и создал принципиально новую конструкцию. Собрал сустав и сам испугался — как это все живому человеку «вколотить». Начал проверять на собаках. Отрабатывал технику операции до мельчайших деталей в анатомичке. И вот в 1959 году на конференции московских ортопедов была продемонстрирована собака, она свободно бегала по залу, «утверждая» метод аллопластики. Металл был подобран прочный и инертный по отношению к живым тканям — соединение кобальта и титана. Мой метод рекомендовали для применения в клинике. Начал оперировать. Знаете, что такое первые операции, когда на столе лежит человек? Сутками не приходил домой. Понимаете, то были первые больные! Теперь уж сколько их ходит, «отремонтированных»... Так что и вы решайтесь, будем и вас чинить. Но вы должны знать заранее: в любой операции всегда есть риск, тем более в такой, так что стопроцентной гарантии дать не могу!..

Константин Митрофанович улыбнулся ласково и виновато.

И вот я наверху, в палате. Тогда была всего одна женская и две мужских. Сестрички и нянечки называют нас «сивашами». «Дай градусники сивашам, уберите у сивашей». А женщины спросили: «Тоже сиваш пришла ставить?» «Искусственный сустав», или «эндопротез», — официально и жутковато, а «сиваш» — звучно, коротко и нестрашно. Очень подходящая фамилия у нашего профессора.

Немало дней пробыла я в ЦИТО. Это были дни надежды, отчаяния и радости воскрешения — изумительного, давно забытого ощущения: безболезненно и бесстрашно ступать ногой, абсолютно «своей», послушной. Я встретила больную девушку, пролежавшую десять лет. После замены двух суставов она начала учиться сидеть, и надо было видеть ее в этот момент.

Многим больным грозил пожизненный постельный плен, а с помощью Сиваша они вырвались из него. Все мы любили нашего профессора. Когда Сиваш приходил в палату, веселый, человечный,— и хмурый день становился ясным. Случалось всякое. Однажды мы пережили неудачный исход операции у нашей подруги по несчастью. Это была ее трагедия, это было горем Сиваша. Он входил ссутулившись. Шутил, а глаза тусклые, печальные. И тогда мы заметили, что он седой, хоть ему не было и пятидесяти. И лишний раз убедились, как тяжко бремя ответственности. А когда в первый раз после операции выползал в коридор следующий «сиваш», мы еще и еще раз понимали, как велико им сделанное, а до конца понять это может только тот, кто был обречен на неподвижность и вновь получил возможность двигаться — жить.

Оперирует Константин Митрофанович быстро, виртуозно. Учиться к нему приезжают со всех концов света. Его имя стоит одним из первых среди лучших ортопедов мира. После его операций за рубежом знаменитые коллеги писали: «Звезда в операционной — русский хирург Константин Сиваш». Признав это, они стремились овладеть его методом. Фирмы двадцати стран покупают у нас эндопротезы, а США купили лицензию на право изготовления их у себя.

Возвращение в мир здоровых людей, дарованное выдающейся работой профессора К. М. Сиваша, неоценимо.

Выставка произведений членов Академии художеств СССР.

Т. Яблонская. УТРО.

В. Нечитайло. В ГОСТЯХ У МОЛОДЫХ.

Выставка произведений членов Академии художеств СССР.

Б. Ряузов. ТУРУХАНСК. ПОСЛЕДНИЕ ЛЬДЫ.

Ник. КРУЖКОВ

СУРОВОЕ И СИЛЬНОЕ ПЕРО

Издательство «Молодая гвардия» выпустило двухтомник избранных произведений Анатолия Иванова: первый том называется «Жизнь на грешной земле», второй — «Тени исчезают в полдень». Не так уж часто появляются у нас книги, в которых бушуют подлинные, бурные страсти, происходят события, заставляющие читателя и радоваться и сопереживать вместе с автором, — равнодушным книги Анатолия Иванова не оставляют никого. Может быть, у некоторой части читателей возникнет желание поспорить с автором о деталях его произведений, о трактовке образов, о судьбах героев книг, но подкупающая искренность писателя, его жесткая и непреклонная воинственность, ясность идейной позиции, партийный дух, пронизывающий страницы книг, решат любой спор с автором в его пользу.

Анатолий Иванов родился в 1928 году и в Отечественной войне не участвовал, но внимательным и острым взглядом пытливого мальчишки он всматривался в окружавшую его жизнь, видел и запоминал страдания и лишения народа, сам голодал и холодал, сам изо всех сил помогал овдовевшей матери растить трех детей, рано познал и человеческое участие, помощь, дружбу, а также равнодушие, озлобленность, жадность. И может быть, именно поэтому в его книгах соседствуют и ведут между собой яростную, непримиримую борьбу добро и зло. Носители зла у него люди сильные, с железными характерами, отнюдь не склонные поднимать руки вверх при первом же окрике, а хватающиеся за обрез, за нож, за дубинку, за вилы и топор; борцы за правду не хлюпики, не размазня, не всепрощающие, добренькие, хилые духом. Нет! Они готовы жизнь свою положить за идею, за смысл бытия, за лучшую и справедливую человеческую долю, за народ, за Родину. Для первых главные слова в жизни — «я», «мое», для вторых — «мы», «наше».

Свой литературный путь Анатолий Иванов начал с журналистики. Так начинали многие, и я еще не встречал ни одного писателя, который бы раскаивался в этом. Широкое изучение жизни, встречи со многими людьми, соприкосновение с различными, подчас весьма сложными жизненными ситуациями являются превосходной школой для писателя, если только его натура наделена зорким зрением, способностью видеть, понимать и запоминать.

Некоторые критики склонны упрекать Анатолия Иванова в приверженности к одной теме: деревня, да еще сибирская, кулацкие происки и борьба с не желающим сдаваться прошлым, жесткие, непримиримые характеры и их взаимные столкновения. Да, эти упреки спервоначалу могут показаться не лишенными основания. Село Зеленый Дол в романе «Тени исчезают в полдень» и деревня Локти в «Повители» сходственны друг с другом. И Устин Морозов и Григорий Бородин — одного поля ягоды. И Мария Воронова и Евдокия Веселова — родные сестры. И Захар Большаков с Андреем Веселовым — братья.

Многое похоже, но если сравнить «Тени» с «Повителью», то первый из названных романов возвышается монументальным зданием, в котором освещены все окна, движется множество людей, происходят события, полные глубокого значения, — оторваться от романа невозможно. Не умаляя «Повители», скажу, что «Тени исчезают в полдень» — неопровержимое свидетельство большого роста писателя, осознавшего свои силы, обогащенного литературным опытом. В романе четко сформулирована тактика кулацких последышей. Устин Морозов, одно из главных действующих лиц романа, ни на минуту не забывает поучения кулака-богача Демида Меньшикова: «Будем отравлять им жизнь помаленьку. Кто засмеется, будем тушить этот смех и заставлять плакать. Кто заплачет, надо постараться, чтоб зарыдал...» Устина иногда душило чувство безнадежности их борьбы, но сойти с избранной тропы ненависти он не мог. Примечательный разговор происходит у него с тем же Демидом Меньшиковым, когда тот тайно, оборотнем, под чужим именем вернулся в родные места.

«—...А сам ты веришь?.. Сам ты веришь?» — спрашивал его Устин Морозов.

«— Не только верю, но и жду,— ответил Демид.

— Ждешь? А чего ты ждешь? На что вы с Пистимеей надеетесь? Что Советской власти придет конец? Я тоже верил, я тоже ждал. И я думал тогда, в войну: вот пошатнулась она, эта власть. Я помогал, как ты, расшатывать ее... Я тоже, как и ты, резал, убивал, душил, жег... Я верил, я так верил, что даже сына своего не пожалел. А она, эта власть, стоит... Она все крепче делается...»

В бессильном озлоблении, в смертной тоске Устин говорит о противостоявших им советских людях:

«Я вот глаза простой девки видел, которую за горло вот этими руками... Я душил ее, а она смеялась надо мной, сжигала меня своими глазищами. Марья Воронова, наверное, так же вас жгла тогда... Вы с Филькой выдавили ей глаза, а толку что? Всем не выдавишь, всех в печи да газовые камеры не затолкаешь».

Непомерная народная сила стояла на пути этих двуногих волков. Дети родные отошли от них, вступили с ними в борьбу, как Федор Морозов, Петька Бородин. Но повитель собственничества, жажда возвращения старых порядков и кровавого, беспощадного мщения не давали им возможности отказаться от яростного сопротивления. Конечно, они были сокрушены, раздавлены, а заодно и изуверские секты, с которыми они были связаны. Но жена Устина Морозова, Пистимея,— она же в прошлом Серафима Клычкова, дочь крупнейшего уральского дельца и золотопромышленника, — главная заводила среди всех этих отбросов, вожак волчьей стаи, она-то ушла... Куда ушла? Где она бродит? Какие плетет сети злодейств и преступлений?.. Живы еще ненавистники, и об этом напоминает нам автор.

Если устанавливать господствующую линию в творчестве Анатолия Иванова, следует сказать, что она непреклонным острием своим направлена против жажды собственничества, наживы — жажды неутолимой, растлевающей душу, губящей человека. В первом крупном произведении Анатолия Иванова «Повитель», написанном в 1955—1958 годах, один из персонажей романа, Тихон Ракитин, во время суда над кулаком и злодеем Григорием Бородиным сказал: «Нет, мы понимаем, что произошло с ним... Всю кровь, все мозги изъела ему жажда собственности. Сперва из человека превратила в зверя, а потом так оплела, что все соки выжала, высушила. Так вот повитель обовьет молодое растение да пьет из него соки, душит. Вянет растение, сохнет, бледнеет... часто и совсем погибает».

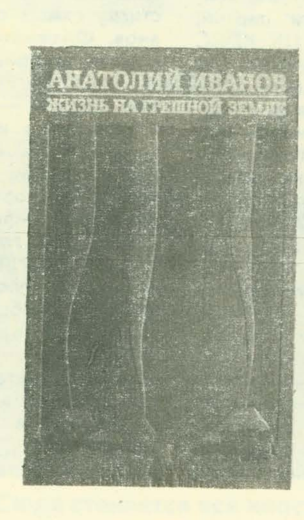
Это не только позиция Тихона Ракитина, но и самого автора.

Каждый талант имеет свои истоки. Рассматривая произведения Анатолия Иванова, находящегося в счастливой поре творческой зрелости, можно установить кровные его связи с теми советскими писателями старших поколений, чье творчество взрастало на сибирской почве. Свою страстную повесть «Жизнь на грешной земле» Анатолий Иванов посвятил Михаилу Александровичу Шолохову, считая его своим первым учителем. Но при всем этом Анатолия Иванова не обвинишь в подражательности и копиизме. У него свой обостренный взгляд на социальную природу человеческих отношений. Он по-своему создает причудливую сюжетную трассу с неожиданными поворотами, то уводя ее в пропасть, то вздымая на горную вершину. Анатолий Иванов умеет держать читателя в постоянном напряжении. Не так уж много у нас авторов, обладающих этим искусством. Могут сказать, что некоторые персонажи его произведений гиперболизированы в своих характерах и поступках, что на их плечи автор возложил такое множество событий, которые невозможно выдержать человеку.

Но это право автора, которое он умело использует для того, чтобы подчеркнуть идейный настрой романа, повести.

В двухтомнике, вышедшем в издательстве «Молодая гвардия»,— 1 400 страниц. Я с огромным интересом читал их, и персонажи Анатолия Иванова все время стояли передо мной.

Не так часто это случается.

Анатолий ИВАНОВ. Избранные произведения в двух томах. М., «Молодая гвардия», 1974, том I — 656 стр., том II — 736 стр.

ТАСС С

Ю. КОРНИЛОВ

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

Каждое утро, разворачивая свежий номер «Правды», вы встречаете на газетных страницах многочисленные сообщения о новостях, подписанные коротким словом «ТАСС». «Корреспонденты ТАСС сообщают...» — начинает передачу Московское радио. Это стало привычным: что бы ни произошло на планете, будь то пуск нового мощного завода в Сибири или важное выступление видного государственного деятеля, смена правительства в Англии или взрыв на шахте в Пенсильвании, мы без промедления узнаем об этом из информации ТАСС.

Выступая с Отчетным докладом ЦК КПСС XXIV съезду партии и подчеркивая, что идеологическая, пропагандистская, агитмассовая работа — это важная и ответственная сфера деятельности партии, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев особо отметил, что «в большом и сложном деле формирования нового человека, в идеологической борьбе с миром капитализма мощным инструментом партии являются средства массовой информации и пропаганды — газеты, журналы, телевидение, радио, информационные агентства».

«Мощный инструмент партии» — какая весомая формулировка, сколь ко многому обязывает она работников идеологического фронта!

Говорят, что цифры — материя сухая. Но именно беспристрастный язык цифр может дать пусть несколько отвлеченное, но зато точное представление о том, что такое ТАСС, охарактеризовать размах его работы. В настоящее время информация ТАСС поступает более чем в 3 600 советских газет, общий годовой тираж которых составляет почти 150 миллионов экземпляров. Ее получают 300 крупнейших зарубежных агентств, газет, телевизионных и радиокомпаний в 76 странах мира. В течение суток ТАСС передает подписчикам в стране и за рубежом материалы общим объемом свыше 10 тысяч машинописных страниц, или более 500 полноформатных газетных полос.

Как же работают ТАСС и тассовцы? Откроем широкие стеклянные двери и войдем в шестиэтажное здание на Тверском бульваре в Москве — здание, где круглые сутки не гаснет свет и тысячи телетайпов стучат и стучат, без устали насыщая эфир новостями о буднях планеты.

«СРАВНИТЕЛЬНО ТИХИЙ ДЕНЬ...»

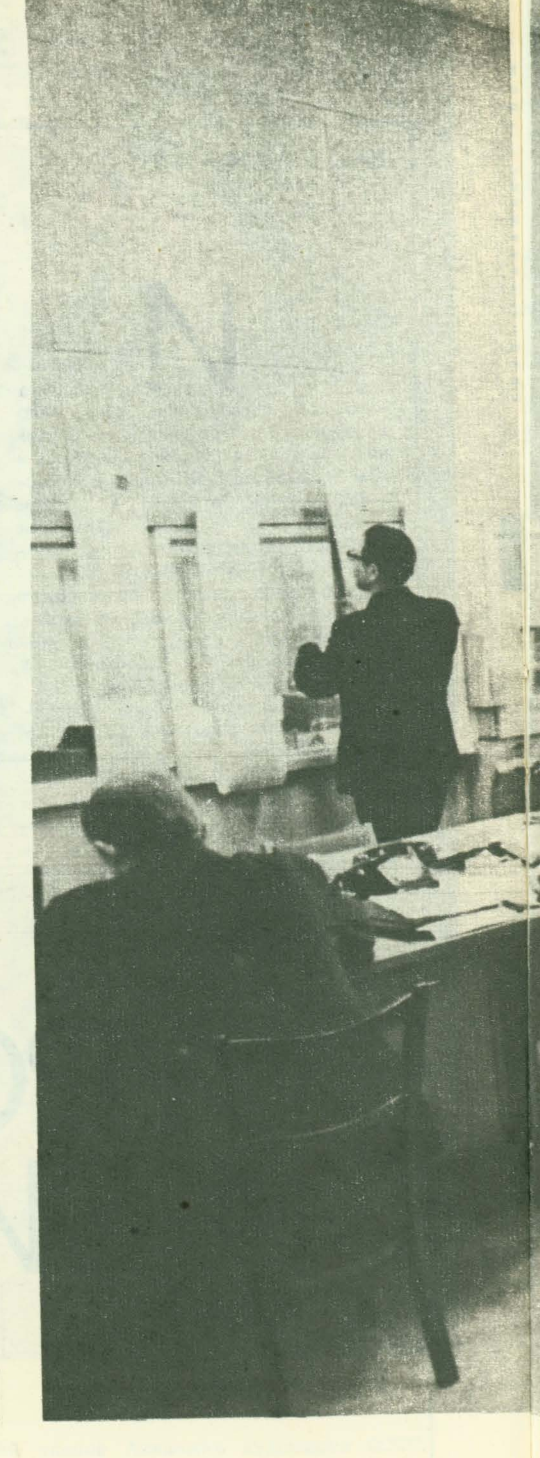
Ежедневно в десять тридцать в ТАСС — планерка, на которой определяются основные направления работы агентства на текущий день. В комнате, где встречаются участники планерки, висит большая карта мира. Разноцветные флажки рассыпались по ней, достигая самых отдаленных меридианов. Флажками синего цвета отмечены корреспондентские пункты ТАСС по РСФСР. Их 78. Красные флажки — их более ста — это отделения и корпункты агентства за рубежом. В союзных республиках обязанности корреспондентов ТАСС возложены на республиканские информационные агентства: с 1970 года они включены в единую, возглавляемую ТАСС информационную службу страны. О чем же сообщают сегодня журналисты-тассовцы?

Первым по традиции докладывает представитель Главной редакции союзной информации:

— Сегодня у нас сравнительно тихий день. Главные сообщения касаются успехов промышленности, достижений тружеников села. Ряд городов обещает интересную культурную информацию...

Он продолжает говорить, и перед присутствующими постепенно, будто лента документального кинофильма, развертывается многокрасочная панорама жизни огромной страны. В Кривом Роге началась загрузка шихтовыми материалами крупнейшей в мире домны. Хлопкоробы Таджикистана одержали новую трудовую победу, сдав государству почти 250 тысяч тонн ценнейшего тонковолокнистого хлопка. Из Ленинграда получен материал о том, что на Балтике начал действовать первый в мире атомный маяк. Вот информации об открытии в Москве фестиваля искусств «Русская зима», об удивительных находках участников научной экспедиции, исследовавшей в пустыне Кызылкум древнее городище Варахшу, о путешествии бывших фронтовиков — жителей Караганды по местам боевой славы... Каждое из этих сообщений лишь эпизод, штрих, деталь. Но, взятые вместе, они создают цельную картину, повествующую о том, как успешно завершен четвертый, определяющий год пятилетки, как ритмично, активно бьется пульс страны...

И сколько напряженного труда вложено в создание такой вот «мозаики одного дня», сколько за ней памятных журналистских встреч, дальних, порой нелегких дорог! Сегодня на планерке упомянут репортаж с одного из участков строительства БАМа. Он получен из далекого Забайкалья. Через несколько лет этот край станет неузнаваемым: там лягут стальные нити новой магистрали, крутой Северо-Муйский хребет прорежет пятнадцатикилометровый туннель — третий в мире по длине после Симплонского и Сен-Готарского, проложенных на швейцарско-итальянской границе. А сейчас у отрогов гор идет расчистка первых вертолетных площадок, сооружаются продовольственные склады, устанавливаются переброшенные по воздуху передвижные

Один из телетайпных залов. Отсюда уходит информация в 76 стран мира.

Сюда стекается вся иностранная информация.

...ООБЩАЕТ...

В африканской редакции.

Строится новое здание ТАСС.

электростанции... На двух вертолетах, на попутном «газике» два дня пробивался в тот далекий таежный район спецкор ТАСС Борис Грищенко. И репортаж молодого журналиста — один из тех, о которых у нас принято говорить «это по-тассовски».

ТАСС богат традициями. Эти традиции неразрывно связаны с историей агентства, они уходят корнями в то легендарное время, когда революционная буря взрывала, сметала с лица земли старый мир. Среди важнейших объектов, которые пролетариат революционного Петрограда должен был отвоевать у буржуазии, значилось и здание ПТА — Петроградского телеграфного агентства. Вечером 26 октября 1917 года его взял штурмом отряд балтийских матросов, а через некоторое время В. И. Лениным был подписан декрет, который объявлял ПТА Центральным информационным органом Страны Советов. Но когда туда прибыли первые советские журналисты — несколько красногвардейцев и моряков, получивших направление на «пропагандистский фронт», они обнаружили лишь швейцара, с немалым изумлением воззрившегося на посетителей: «Вы к нам? Но господа чиновники ушли. Обещали вернуться через две недели, когда прогонят большевиков». Чиновники не только ушли, они унесли с собой кассу, восковки ротатора, пишущие машинки.

Партийный комитет ТАСС, опираясь на помощь ветеранов агентства, некоторое время назад организовал выставку «История ТАСС. 57 лет работы первого информационного социалистического агентства печати». «Биография» агентства схожа с биографиями других ровесников Октября: бедное детство, бурная молодость и, наконец, уверенная, обогащенная опытом зрелость. Мы видим ленинские декреты, распоряжения, обращения к иностранным государствам — важнейшие документы первых лет Октября, которые уже тогда распространялись через ТАСС. Видим датированное 1918 годом постановление о слиянии Петроградского телеграфного агентства и Бюро печати при ВЦИК: новый информационный орган получил название РОСТА — Российское телеграфное агентство. Видим и один из редких снимков — ответственный руководитель РОСТА Я. Г. Долецкий на приеме у Н. К. Крупской, и знаменитые «Окна РОСТА», в которых с таким блеском сотрудничал В. В. Маяковский. А вот и постановление Президиума ЦИК и СНК СССР от 10 июля 1925 года об учреждении преемника РОСТА — ТАСС.

Тассовцы гордятся тем, что история их агентства связана с именем Ленина. Они гордятся тем, что в годы гражданской войны в агентстве сотрудничал бывший в ту пору членом Реввоенсовета XI армии С. М. Киров; сохранились его корреспондентское удостоверение («податель сего состоит корреспондентом агентства во всех городах и местностях Российской республики»), его статьи, корреспонденции с фронтов. Из сообщений ТАСС мир узнавал о замечательных трудовых победах героев первых пятилеток, борцов за социалистическое преобразование деревни. В годы Великой Отечественной войны в дом на Тверском бульваре со всех фронтов потоком шли телеграммы от надевших военную форму тассовских журналистов, а люди на улицах останавливались у «Окон ТАСС». Многие тассовцы не вернулись с фронта. Имена их светятся золотом на мраморе мемориальной доски...

Если все советские журналисты составляют своего рода пропагандистскую армию, то корреспонденты ТАСС выполняют в этой армии нелегкие и почетные задачи разведчиков. Они первыми летят в тайгу, где начинается новая стройка, первыми сообщают о трудовом почине заводского коллектива, о ценном опыте, о важном открытии ученых, о творческой удаче художника. Быть первым нелегко, но, пожалуй, еще сложнее оперативно и умело первым рассказать о событии. В ТАСС часто вспоминают слова М. И. Калинина, обращенные к корреспондентам агентства во время встречи с ними в сентябре 1945 года: «Тассовский жанр самый трудный. Это полнота в краткости. Тут корреспондент в самом миниатюрном виде в смысле величины должен дать картину. Он должен писать по-чеховски, а Чехов умел двумя-тремя словами дать характер человека, и читатель из этих нескольких слов выяснял тип человека. Такова и работа корреспондентов ТАСС».

...Рабочий день ТАСС длится круглые сутки: в то время, когда в Москве завершается верстка очередного номера «Правды», а автомашины спешат доставить в аэропорт матрицы уже вышедших из печати «Известий», во Владивостоке, в Магадане разгорается утро, и в агентстве приступают к передаче материалов для дальневосточных газет.

...Каковы же главные новости этих суток? Похоже, что сегодня редкий день: нигде не предвидится никаких особых событий. Планерка закончена, все расходятся по рабочим местам. На лестнице я встречаю А. П. Романова, обозревателя по вопросам науки. Большой знаток проблем освоения космоса, автор ряда книг на эту тему, человек, которому Звездный и Байконур знакомы едва ли не лучше, чем Тверской бульвар, которому выпало счастье одним из первых обнять Юрия Гагарина после его возвращения на Землю из беспримерного космического рейса, он может рассказать много интересного о наших космонавтах, ученых, создателях космических кораблей. Но сегодня Романов явно не расположен к беседе.

— Извини, тороплюсь; по моим данным, скоро внеочередной запуск нового космического корабля. Спешу на аэродром.

Так обрывается «сравнительно тихий» день.

СО ВСЕХ МЕРИДИАНОВ

Среди сотен телетайпов, связывающих ТАСС со всеми крупными городами мира, в тот ноябрьский день всеобщее внимание привлекали те, на которых были установлены таблички «Владивосток». Журналисты ТАСС, прибывшие во Владивосток для освещения четвертой советско-американской встречи на высшем уровне, уже передали «молнию» о начале переговоров. И вот телетайпы, замолчавшие ненадолго, вновь заработали:

— Внимание, внимание! Передаем речь Леонида Ильича Брежнева на обеде в честь президента США Дж. Форда...

Важнейшее политическое выступление, в котором содержится призыв к упрочению мира, выдвигается конструктивная, всесторонне обоснованная программа дальнейшего развития советско-американского сотрудничества, сразу же переводится в ТАСС на основные иностранные языки — английский, французский, немецкий, испанский, арабский. Лучшие, наиболее опытные телетайпистки агентства передают речь Л. И. Брежнева во все концы планеты. Через короткое время об этой речи заговорит весь мир...

Коммунистическая партия, ЦК КПСС, его Политбюро, Советское правительство ведут огромную напряженную работу по осуществлению Программы мира, выдвинутой XXIV съездом КПСС. Всестороннее освещение этой работы коллектив ТАСС, его партийная организация рассматривают как одну из важнейших, ответственнейших и почетных своих задач. И если международную информацию агентства в целом можно уподобить своего рода летописи мировых событий, то материалы, посвященные советскому мирному наступлению, которое все более стремительно развертывается на международной арене, составляют в этой летописи самые яркие, самые памятные ее страницы.

Международная служба ТАСС — это большой коллектив, действующий по обе стороны государственной границы: свыше 200 квалифицированных журналистов-международников за рубежом, более трехсот — в Москве. Среди них немало известных журналистов, таких, как заведующий отделением ТАСС в Нью-Йорке Геннадий Шишкин, заведующая отделением агентства в Риме Валентина Сысоева, обозреватель Владимир Гончаров, автор увлекательных книг о Восточной Африке Сергей Кулик, автор первоклассных очерков и корреспонденций о сегодняшней Чехословакии, заведующий отделением ТАСС в Праге Борис Краевский. Едва ли не половина работников «Ино-ТАСС» — молодежь, выпускники Московского государственного института международных отношений, языковых вузов, факультетов журналистики. За годы учебы они получили теоретическую подготовку, овладели иностранными языками — их дальнейшая журналистская биография целиком зависит от них самих.

— Ну, положим, не только от них, но и от нас, «старичков»,— улыбается Сергей Афонин, заместитель главного редактора редакции социалистических стран.— Не секрет, что как бы ни был молодой человек «подкован» теоретически, он не станет журналистом, пока не окунется в жизнь. Молодые международники, приходящие к нам из вузов, едут в свои первые командировки в Казань и в Калугу, в Свердловск и Вышний Волочек. Они пишут репортажи с заводов, из колхозов, рассказывают о передовиках производства, о новинках искусства. Это лучшая школа, которая очень и очень пригодится молодежи потом, когда она получит путевку на самостоятельную работу в Прагу, Варшаву, Белград...

Сергей Афонин и сам лишь условно может быть причислен к числу тассовских «старичков». Когда началась война, ему было два года. Только из рассказов родных он знает о том, как его семья покидала в сорок первом родной Киев, как ревели над теплушками «мессершмитты» и мать, раненная в голову, прикрывала собою сына. Не сохранились в памяти мальчика и плачущие лица близких, когда, уже в Сибири, почтальон молча вручил им похоронку, извещавшую, что отец Сергея, командир минометной роты Афонин, пал смертью храбрых под Сталинградом... Только спустя годы рассказы старших донесли до Сергея всю глубину горя, которое принесла ему война, но он и сам

Бильдаппаратная Фотохроники ТАСС.

знает, что такое война. И не только по рассказам и книгам. Выпускник Московского института востоковедения, отлично владеющий вьетнамским языком, способный и инициативный журналист, он четыре года проработал корреспондентом ТАСС во Вьетнаме. Его боевые репортажи, широко публиковавшиеся в «Правде», «Комсомольской правде», «Красной звезде», передавали тревожную, напряженную атмосферу фронта: Сергей писал их в Ханое, когда вражеская авиация совершала на город до 15 налетов в сутки, он писал их в горящем Хайфоне, куда пробивались груженные боеприпасами и медикаментами советские суда, и на военных биваках в опаленных напалмом джунглях. Два ордена — так высоко оценила Родина работу корреспондента ТАСС С. Афонина в ДРВ.

Во Вьетнаме и в США, в далекой Кении и в бурлящей, как котел, Португалии, на Филиппинах и в Анголе, на Мальте и в Сингапуре — всюду и везде корреспондент ТАСС в гуще событий. Он непременный участник пресс-конференций президента США в Белом доме, и в числе первых приземляется на санитарном самолете на берег далекой латиноамериканской страны, раненной свирепым тайфуном. Он присутствует на торжественном подписании международного договора и спускается в шахту, которую заняли бастующие горняки. Его можно встретить на балконе для представителей прессы в парламенте и в рабочем предместье, где он берет интервью у профсоюзного активиста. Государственные деятели и лидеры политических партий, художники и дипломаты, рабочие и профсоюзные деятели — таков круг его знакомых, сфера его интересов. Как-то знаменитый физик сказал, что наше время — это время «узких специалистов», которые «должны знать все больше и больше о все меньшем и меньшем». К журналистам ТАСС это не относится. Они, напротив, стремятся знать все больше и больше о все большем и большем.

Живя и работая в той или иной стране, корреспондент ТАСС, естественно, связан с представителями местной печати. Люди одной профессии, они встречаются на одних и тех же дипломатических приемах, на пресс-конференциях, в клубе печати. Пьют кофе, обмениваются новостями, порой в чем-то помогают друг другу, но как поразному смотрят они на окружающий мир! Западные информационные агентства, буржуазные газеты лихорадит поиск «сенсаций»: убийство, скандальный бракоразводный процесс, альковные тайны знаменитой актрисы, словом, все то, что еще В. И. Ленин с уничтожающей меткостью именовал «политическими пикантностями и пустяками», служащими насквозь лживой буржуазной прессе для того, чтобы забавлять и дурачить массы. Важнейшие политические события западная печать, как правило, освещает под вполне определенным углом: вспомним хотя бы, что первые информационные сообщения о выстреле в Далласе содержали бредовые намеки насчет того, будто убийство президента Кеннеди — дело рук... мифических «красных агентов».

Советскому журналисту-международнику, в том числе корреспонденту ТАСС, в равной мере чужды и погоня за бульварной сенсационностью и сочинение тенденциозных домыслов вокруг политических событий. Он видит свой долг в том, чтобы писать о происходящем правдиво и точно.

...Стучат телетайпы, и сотни, тысячи сообщений со всех концов мира ложатся ежедневно на столы редакторов и выпускающих иностранной редакции ТАСС. Это не только материалы собственных корреспондентов, это и выступления видных политических и общественных деятелей разных стран, и важнейшие статьи иностранной прессы, и продукция зарубежных агентств, с которыми ТАСС имеет соглашения об обмене информацией. Как не утонуть в этом бушующем море? Как выделить из огромной массы сообщений основные, главные, без которых не могут, не вправе выйти завтрашние газеты? Как поступить, если сообщения о том или ином событии явно тенденциозны, противоречивы, а подоплека самого события не ясна, его политическая и социальная направленность не выявлена?

Писатель Константин Паустовский работал в двадцатые годы в ТАСС.

«Газетный материал не терпит трусов,— писал он в статье «Говорит ТАСС».— Оперирование с ним требует свойств хирурга и военного. Нужно быстро решать и беспощадно отсекать ненужное.

Труса материал задавит, завалит бесконечными ворохами телеграмм, запутает и доведет до отчаяния. Трус потеряет темп работы, мотор начнет давать перебои и, наконец, остановится совсем.

А газетное время беспощаднее обыкновенного: оно не знает и не хочет знать слов «не успел». Успеть нужно, будь у вас на столе материала на 500 строк или на 5 000 строк».

Итак, смелость, «свойства хирурга и военного». Хорошо сказано! И все же для того, чтобы эти слова выдающегося советского писателя, относящиеся к 1929 году, звучали современно, надо добавить: смелость, помноженная на глубокие знания и опыт. И на высокое чувство ответственности перед партией за каждую строчку, которую отстучат телетайпы ТАСС. Чувство, без которого нет тассовца, нет партийного журналиста.

«СПАСИБО ЗА ПРАВДУ О РОССИИ...»

На широком столе — кипы вырезок из газет и журналов разных стран. Из болгарской «Работническо дело» и французской «Юманите», чехословацкой «Праце» и японской «Иомиури», американской «Крисчен сайенс монитор» и индийской «Пэтриот». И из многих других.

— Это почта только одного дня,— говорит старший редактор Главной редакции информации для заграницы Татьяна Шалагинова.— Число публикаций ТАСС за рубежом постоянно растет, а одновременно растет и наша почта...

Мы начали этот рассказ с того, что слово «ТАСС» хорошо знакомо советскому читателю по страницам газет, из передач радио и телевидения. Но, пожалуй, не все знают, что эти четыре буквы — ТАСС — можно регулярно видеть и на страницах тысяч зарубежных изданий. Именно от ТАСС миллионы людей в разных уголках земли получают точную и объективную информацию о важнейших событиях в СССР, таких, как съезды партии, пленумы ЦК КПСС, сессии Верховного Совета СССР, выступления руководителей КПСС и Советского государства. Каждый вечер курьер доставляет в ТАСС только что сверстанные, чуть влажные, еще пахнущие типографской краской полосы «Известий». Следом на стол дежурного выпускающего ложится вечерний выпуск «Правды». А вскоре в зарубежных агентствах, в редакциях крупных западных газет уже обсуждают и комментируют основные выступления центральных советских органов печати, статьи и корреспонденции Юрия Жукова, Вадима Некрасова, Виктора Маевского, Виталия Корионова, Викентия Матвеева...

— Зарубежные передачи ТАСС чрезвычайно ценны для прогрессивных органов печати Запада,— сказал мне недавно один из гостей ТАСС, Ханс Кальт, член Политбюро и секретариата ЦК Компартии Австрии, главный редактор газеты «ФолькСштимме».— Ведь они пропагандируют советскую политику мира, дают точную и объективную оценку важнейших событий, доносят до нас слово правды о советском образе жизни. Наша газета, как и многие прогрессивные, демократические органы печати, широко использует материалы ТАСС, и мы получаем за это немало благодарностей читателей. «Спасибо за правду о России!» — вот смысл писем, поступающих в «Фолькcштимме».

ТАСС, где сходятся каналы связи крупнейших западных информационных агентств, действует на одном из самых горячих участков фронта идеологической войны. Журналисты ТАСС видят свой долг в том, чтобы давать своевременный, решительный и эффективный отпор вымыслам, клевете западной и пекинской пропаганды. Это вызывает ярость наших идеологических противников. Особенно злобно атакует ТАСС пекинское агентство Синьхуа, для которого исступленный антисоветизм стал основной профессией. Эти наскоки лишний раз подтверждают, что журналисты-тассовцы, ведущие боевую контрпропаганду, точно попадают в цель!

* * *

Можно многое рассказать о ТАСС, который, как это подчеркивалось в приветствии ЦК КПСС и Совета Министров СССР в связи с пятидесятилетием агентства, «является для советского народа и всей мировой общественности источником правдивой информации о кипучей и многообразной жизни Страны Советов, о важнейших событиях за рубежом». Можно было бы посвятить особую главу таким важнейшим звеньям единой информационной службы страны, как республиканские агентства, которые ведут большую, напряженную работу по снабжению информацией республиканской печати и радио. Можно было бы подробно рассказывать о Фотохронике ТАСС — большом творческом коллективе, благодаря которому мы не только узнаем о событии, но и видим его на газетной полосе; о тассовских «асах перевода»; о коллективе связистов ТАСС; об уникальной, крупнейшей в стране информационно-справочной службе агентства и о многом другом. Но, думается, и сказанного достаточно, чтобы дать читателю представление о сегодняшнем ТАСС, этом неутомимом, бессонном конвейере новостей.

...Поздним вечером мы выходим из здания ТАСС с Олегом Аничкиным, одним из ведущих тассовских «американистов».

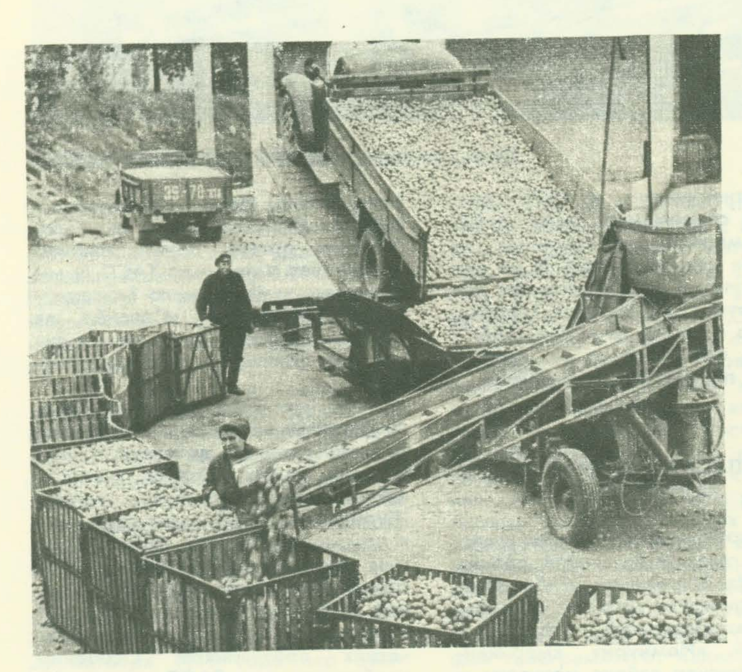
— Завтра — воскресенье, хорошо бы пройтись на лыжах, Олег.

— Не могу: дежурю в редакции. ТАСС не знает выходных.

М. СЕВЕРНЕВ,
заместитель Председателя Совета Министров БССР

ТВОЙ УРОЖА

Собственный корреспондент «Огонька» по Белоруссии А. Щербаков попросил заместителя Председателя Совета Министров БССР М. М. Севернева прокомментировать итоги минувшего сельскохозяйственного года в республике.

Уборке картофеля — высокую механизацию.
Фото Н. Акимова и А. Церлюкевича (ТАСС).

Не меньше 35 тонн зерна намолачивал в дни жатвы комбайнер В. Парфинович. Колхоз «Неман», Гродненская область.

Фото А. Мызникова.

ВОПРОС. Урожай, выращенный и собранный земледельцами Белоруссии в минувшем году, подтверждает, что в этой пятилетке республика сделала значительный шаг вперед в сельском хозяйстве. Что определило такой успех? Какие качественные изменения произошли в сельскохозяйственном производстве?

ОТВЕТ. Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР в своем приветствии, опубликованном в канун 57-й годовщины Октября, высоко оценили успехи тружеников сельского хозяйства Белоруссии. Эти успехи — результат колоссальной по своей напряженности и самоотверженности работы тысяч и тысяч людей. Вот некоторые ее итоги.

По предварительным данным,

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ КОНСТАНТИНА ЛОРДКИПАНИДЗЕ

РЫЦАРЬ СЛОВА

Писателя, более влюбленного в творчество, чем Константин Лордкипанидзе, я не знаю. Недаром его называют скупым рыцарем слова,— так тщательно, столь филигранно отделаны его рассказы, повести, романы.

Константин Лордкипанидзе пришел в грузинскую советскую литературу как выразитель передовых идей нашего времени. Это он доказал еще на заре нашей советской эпохи своим романом «Заря Колхиды»—летописью бурных преобразований жизни грузинского народа, летописью его борьбы и побед. И потому «Заря Колхиды» уже десятилетия странствует по всему свету и на многих языках мира рассказывает сагу о нашей жизни.

Прекрасны короткие повести и новеллы К. Лордкипанидзе, в которых ярко проявился его глубокий талант писателя-психолога, проникновенного лирика: «Смерть еще подождет», «Цабуня», «Когда человек один», «Дорогу осилит идущий».

Название последней новеллы как нельзя лучше характеризует и неустанное движение вперед самого писателя, его творческие искания и находки. Формирование художника началось буквально с первых же дней Советской власти в Грузии. В годы ожесточенной классовой борьбы молодой Константин Лордкипанидзе не дрогнул, не заколебался, сразу стал в ряды борцов за утверждение новой жизни, новой социалистической культуры.

В годы великого перелома К. Лордкипанидзе публикует первую книгу романа «Заря Колхиды», чтобы через два десятка лет кропотливой и страстной работы выпустить последнюю ее часть.

К. Лордкипанидзе писал роман, отдавая ему всего себя, всю свою любовь к людям и родному слову. Но писателя влекут и другие темы. На материале гражданской войны появятся белорусские рассказы Константина Лордкипанидзе «Бессмертие». Важное место в его творчестве займет Великая Отечественная, дорогами которой прошел писатель. Свидетельство тому — превосходная повесть в новеллах «Клинок без ржавчины» с неизменным героем и рассказчиком Ладо Вашаломидзе. К его характеру тоже можно отнести слова эпиграфа, поставленного К. Лордкипанидзе перед новеллой «Как умер старый рыбак»: «Пусть кинжал будет деревянным, было б сердце железным».

...Сегодня, когда я читаю новые произведения Константина Лордкипанидзе, все больше убеждаюсь, что молодость приходит к этому человеку с годами.

Николай МИКАВА

Б. БАБОЧКИН,
народный артист СССР

Сцена из спектакля.

В дни, когда Малый театр праздновал 150-летие, состоялась премьера «Грозы» А. Н. Островского.

— Я исходил из того анализа пьесы, который сделан Добролюбовым в знаменитой статье «Луч света в темном царстве»,— говорит народный артист СССР Борис Андреевич Бабочкин, постановщик «Гро-

Й, ПЯТИЛЕТКА!

ИНТЕРВЬЮ «ОГОНЬКА»

средний урожай зерновых составил 26,3 центнера с гектара. Это в два с лишним раза больше, чем, скажем, в 1965 году. Возросли урожаи и валовой сбор картофеля, сахарной свеклы, кормовых культур.

Хочу отметить, что рубежи, которые недавно считались досягаемыми лишь теоретически, теперь становятся нормой. Тридцать два района получили в среднем по 30—35 центнеров колосовых с гектара. Свыше тридцати центнеров с гектара собрало каждое пятое хозяйство республики!

Эти достижения обусловлены прежде всего постоянной заботой партии и правительства о развитии сельского хозяйства республики. Большие качественные изменения произошли у нас на селе. Колхозы и совхозы все крепче опираются на современную технику. За четыре года пятилетки тракторный парк увеличился на 25 процентов, и, что особенно важно,— приходят тракторы мощнее и совершеннее прежних.

Разработаны новые приемы обработки почвы и ухода за посевами. Мы гораздо лучше стали кормить растения, и они щедрее вознаграждают нас. В 1974 году только органических удобрений было внесено свыше 61 миллиона тонн.

Намного выше стал уровень организаторской и политической работы на селе. Это прежде всего результат повседневной, настойчивой деятельности ЦК Компартии Белоруссии, правительства республики. Но самое главное — другими стали земледельцы. Повысилась их профессиональная и общая грамотность, добросовестнее стали относиться к работе. Все, что делается сейчас в деревне, делается более квалифицированно, чем в предыдущие годы. Я с огромным удовлетворением называю имена прославленных механизаторов — Героя Социалистического Труда Л. В. Саковского, Героя Социалистического Труда О. В. Казачка, Г. М. Котлярова, И. А. Трофимова.

ВОПРОС. Что вы скажете о новых формах, новых организационных принципах связи сельского хозяйства с промышленностью и наукой, каковы результаты этих новшеств?

ОТВЕТ. Новизна заключается прежде всего в том, что в республике осуществляется переход сельского хозяйства на индустриальную основу, создаются аграрно-промышленные объединения и комплексы.

Курс на индустриализацию активизирует процесс преобразования деревни. Нынче она способна гораздо быстрее и значительнее принимать все то, что предлагают ей промышленность и наука. Добавлю, что конструкторские бюро и научно-исследовательские институты все чаще работают в прямом контакте с колхозами и совхозами, выполняют их непосредственные заказы. Вот характерный пример. Погодные условия в минувшее лето были такие, что срочно потребовалось приспособить комбайны к обработке полеглых хлебов. В кратчайшие сроки заводы республики изготовили 30 тысяч необходимых комплектов.

Присуждение Государственной премии СССР за 1974 год группе белорусских картофелеводов — еще одно подтверждение крепнущей связи науки и сельскохозяйственного производства. Не забываем мы и о том, что всего через год начнется десятая пятилетка, которая должна стать пятилеткой высокой эффективности и высокого качества. Такую задачу поставил, выступая на торжествах в Кишиневе, Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев. Для всех тружеников села, в том числе и для белорусских земледельцев, магистральным направлением будет дальнейшая концентрация и специализация производства, внедрение комплексной механизации и автоматизации, совершенствование деятельности аграрно-промышленных объединений.

Решения декабрьского (1974 года) Пленума ЦК КПСС и второй сессии Верховного Совета СССР о плане развития народного хозяйства страны в завершающем году пятилетки предусматривают дальнейший рост сельского хозяйства. Труженики белорусских сел будут последовательно осуществлять курс партии на всемерную интенсификацию, повышение эффективности колхозного и совхозного производства.

Девятая пятилетка дала в этом смысле отличный задел. А надежный плацдарм, как известно, всегда обеспечивает успех наступления.

ВСЛУШИВАЯСЬ В «ГРОЗУ»

ИНТЕРВЬЮ «ОГОНЬКА»

зы».— Я стремился сохранить в чистоте авторский замысел, освободив «Грозу» от того, что принято называть традицией, а по сути является штампом, рутиной. Основная идея выражена в монологе Кулигина перед грозой. Вспомните: «Не гроза это, а благодать! Да, благодать!. Изо всего-то вы себе пугал наделали... Я вот не боюсь...»

Островский писал «Грозу» накануне отмены крепостного права в России, чутко передав зревший в обществе протест, несогласие с «устоями». Мощный внутренний порыв этот и определяет характеры героев — Катерины и Кулигина. Они близки в своем осознанном, смелом неприятии мира подлости и безгласия.

В моем представлении не только Катерина — луч света в темном царстве,— с ней еще и Кулигин. Да простится мне современное сравнение, они вместе, словно две фары, пробивающие мрак. Я вслушиваюсь в текст пьесы Островского,— продолжает режиссер,— и испытываю неутолимое желание еще ближе подойти к сути образов. А для этого нужно безжалостно счищать привычные наслоения!..

— Каковы же были основные направления вашей работы?

— Главные герои «Грозы» молоды, — отвечает Б. А. Бабочкин.

Режиссер рассматривает возраст Катерины как переходный от подростка к женщине. Она должна быть юной, живой, решительной и страстной; она не может довольствоваться лишь мистической поэзией и платоническим чувством. Как смело она признается в своей любви: «И все-то десять ночей я гуляла!..» Она хочет вырваться из мира кабановых, даже ценою собственной гибели! И она привносит в спектакль тревожное ощущение близких и желанных перемен...

— Мне также очень дорог механик-самоучка Кулигин — предшественник современного рабочего человека, умного и просвещенного. Кулигин внутренне свободен. Разумеется, я вовсе не хотел превращать его в сегодняшнего атеиста; однако и его вера резко отличается от веры кабановых. Не зря в финале Кулигин говорит: «Вот вам ваша Катерина... она теперь перед судией, который милосерднее вас!» Милосердие, терпимость, человечность — это тоже смелость. И все эти качества весьма современны.

Пожалуй, наименее традиционен в новой постановке образ Тихона,— продолжает постановщик.— Обычно исполнители и режиссеры видят в нем характер трагический; эта традиция идет от знаменитого русского трагика Мартынова. Я против нее. Суть Тихона предельно точно выразил Добролюбов, говоря, что «Тихон является... простодушным и пошловатым, совсем не злым, но до крайности бесхарактерным существом...» И еще: «...один из множества тех жалких типов, которые обыкновенно называются безвредными, хотя они в общем-то смысле столь же вредны, как и сами самодуры, потому что служат их верными помощниками»...

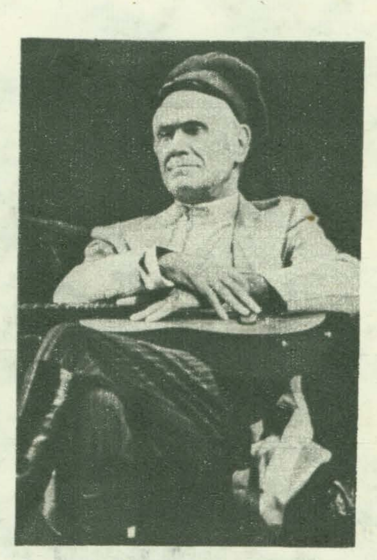
— А как вы оцениваете работу художника спектакля Валерия Левенталя?

— Увидев макет, я впервые в жизни сказал: «Это то, что нужно!» А угодить мне нелегко: ведь я вырос на Волге.

— Играя Кулигина в спектакле, вы поете. И, кажется, с особым удовольствием?..

— Да, я люблю русские песни и сам показал артистам «Ваньку-ключника». В этом я, кстати, оказался традиционным: петь не ту песню, которая указана в тексте,— тоже традиция!

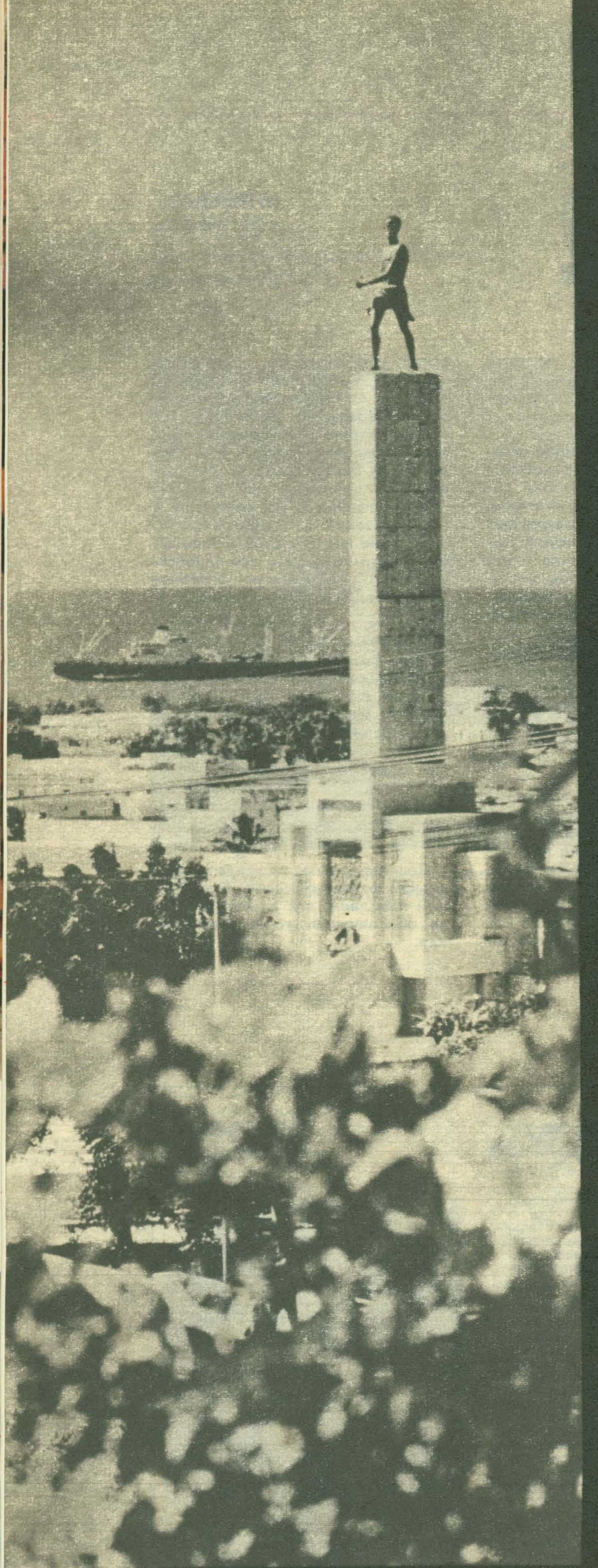
— Удовлетворены ли вы своей постановкой?

Б. А. Бабочкин в роли Кулигина.
Фото Е. Мичуриной и И. Ефимова.

— Мне хотелось бы, чтобы «Гроза» с каждым спектаклем становилась все более точной по мысли и обостренной по чувству. Чтобы, освобождаясь от шелухи привычного, она сохраняла свежесть и горячую, полнокровную правду жизни.

Интервью провел А. БАТАШЕВ.

Столица Сомали — Могадишо.

Экватор мы пересекли на рассвете. Но если учесть, что он линия воображаемая, то пересекать, собственно говоря, было нечего. Но мы честно исполнили надлежащий ритуал — вышли из машины и прокатили ее «вручную» (считается, что это приносит удачу) мимо белой пирамидки с надписью «Линия равноденствия». После такого священнодействия мы принялись запросто расхаживать из северного полушария в южное и обратно, разглядывая, что тут было интересного. А интересным было все — и банановые плантации по обе стороны шоссе, и белые лилии, усыпавшие протекавший рядом ручей (ничем не отличающиеся от тех, что растут у нас на Клязьме), и черные цапли над этими белыми лилиями, и красная, словно окровавленная, земля. И, наконец, осознание того факта, что день здесь всегда равен ночи.

Бледно-лимонное солнце шустро выскочило из-за горизонта и отправилось по маршруту, раз и навсегда определенному для него астрономическими таблицами. И сразу начало припекать. Подкатил автобус, а проще сказать, крытый грузовик, буднично курсирующий между двумя полушариями, и из него вылезло десятка полтора крестьян, тут же скрывшихся в банановых зарослях.

В Сомали начинался обычный трудовой день. Мне живо представилось, как москвичи торопятся по заснеженным улицам к метро и автобусам. Время у нас одинаковое: Москва и Могадишо лежат в одном часовом поясе. Так что если покатить вот по этой дороге на север, никуда не сворачивая, то можно очутиться дома. Но, во-первых, шоссе где-то кончится, во-вторых, на пути попадутся моря, а в-третьих, пока я не соберу материал для этого репортажа, дома мне делать нечего, и рассуждаю я на эту тему потому, что просто очень уж захотелось поделиться необычным для дальних путешествий впечатлением: летел-летел почти три четверти суток, а стрелки часов переводить не пришлось!

На север мы все-таки прокатились, но недалеко — километра через три справа от шоссе оказалась банановая фабрика, куда мы и завернули. Внушительные гроздья бананов, подвешенные на манер окороков, плавно плыли над двором. Возле них хлопотали девушки в длинных ярких платьях, что-то подрезали, подправляли, видимо, приводя продукцию в товарный вид. Потом конвейер уходил под легкий навес и, окунув бананы в бассейн с водой, вытаскивал их оттуда чистенькими и блестящими. Обсохнув, они оказывались в полиэтиленовых мешках, которые, в свою очередь, укладывались в картонные коробки с изображениями силуэта Африки и леопардов, точь-в-точь таких, какие украшают герб республики. Чтобы сразу было видно: поставщик — Сомали!

За фабрикой бесшумно катила свои кофейные воды Джуба — главная река страны. Народ называет ее кормилицей Сомали. Под серебристыми фермами моста навстречу нам двигалась стайка мальчишек, которые и вели себя соответственно, то есть галдели, задирали друг друга и даже толкались, умудряясь при этом, к нашему великому изумлению, удерживать в равновесии какие-то корзинки и коробки, транспортируемые ими, как это обычно тут и делается, на голове. Завидев нас, они дружно заорали:

— Хорошо-о-о-о-о!

Слово это, видимо, давно уже стало чем-то вроде приветствия.

В стране работает много советских специалистов — учителей, врачей, агрономов, инженеров, геологов, мелиораторов, помогающих сомалийцам в развитии национальной экономики, науки и культуры, и не удивительно, что здесь многие говорят по-русски. А уж по нескольку слов знает если и не все население, то мальчишки-то обязательно...

Здесь, в экваториальном районе, родился один из первых в стране сельскохозяйственных кооперативов — республика взяла курс на коллективи-

---

Народ и его земля.

На развороте вкладки: впервые в истории Сомали старики передают новому поколению не только символический экватор (первый снимок в центре), но и вполне реальные богатства: этот современный столичный квартал «Африканская деревня», высокомеханизированный мясокомбинат в Кисимайо, созданный с помощью Советского Союза, и многие другие промышленные и культурные объекты, выросшие в республике за последние годы.

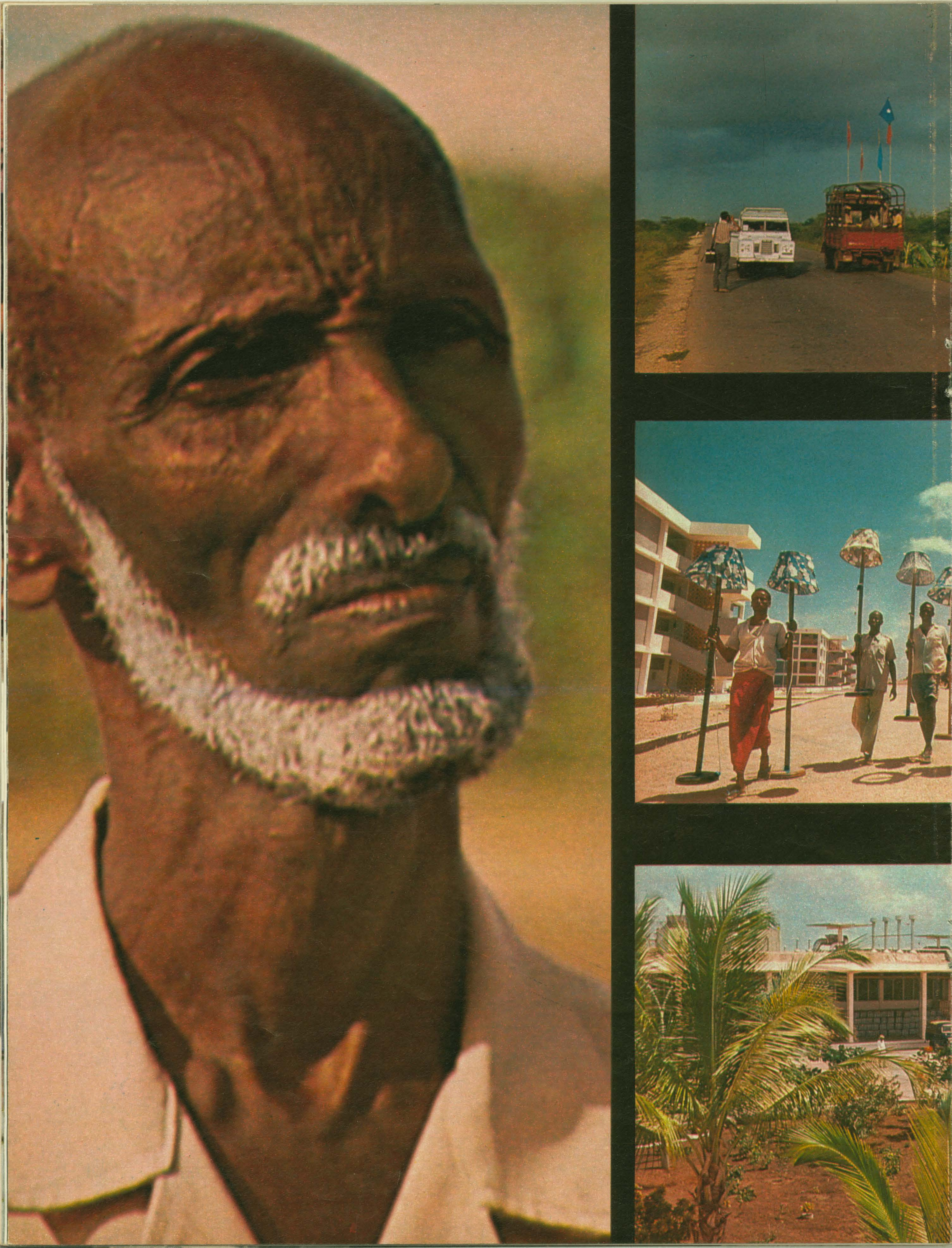
Ю. КРИВОНОСОВ,
специальный корреспондент «Огонька»
Фото автора.

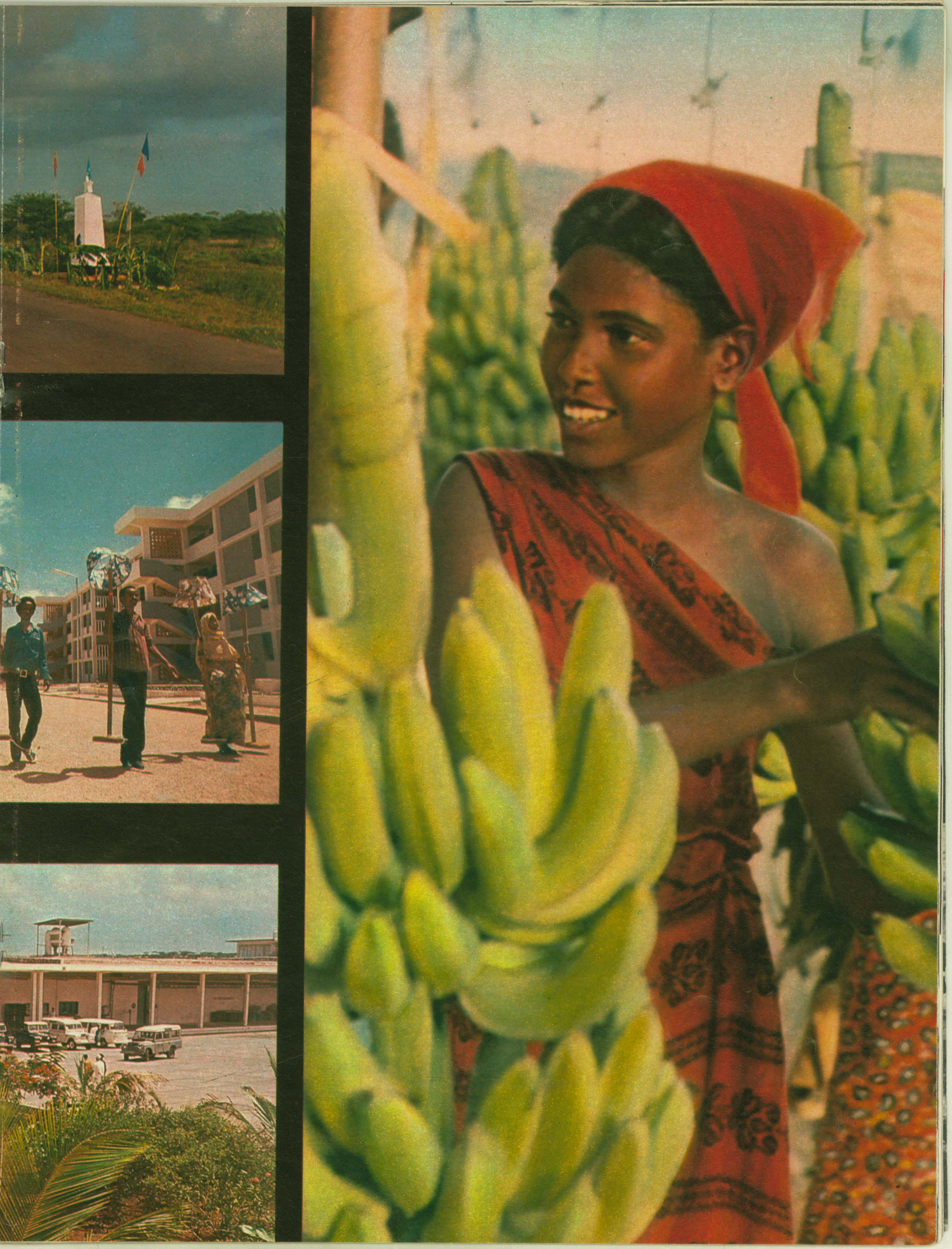

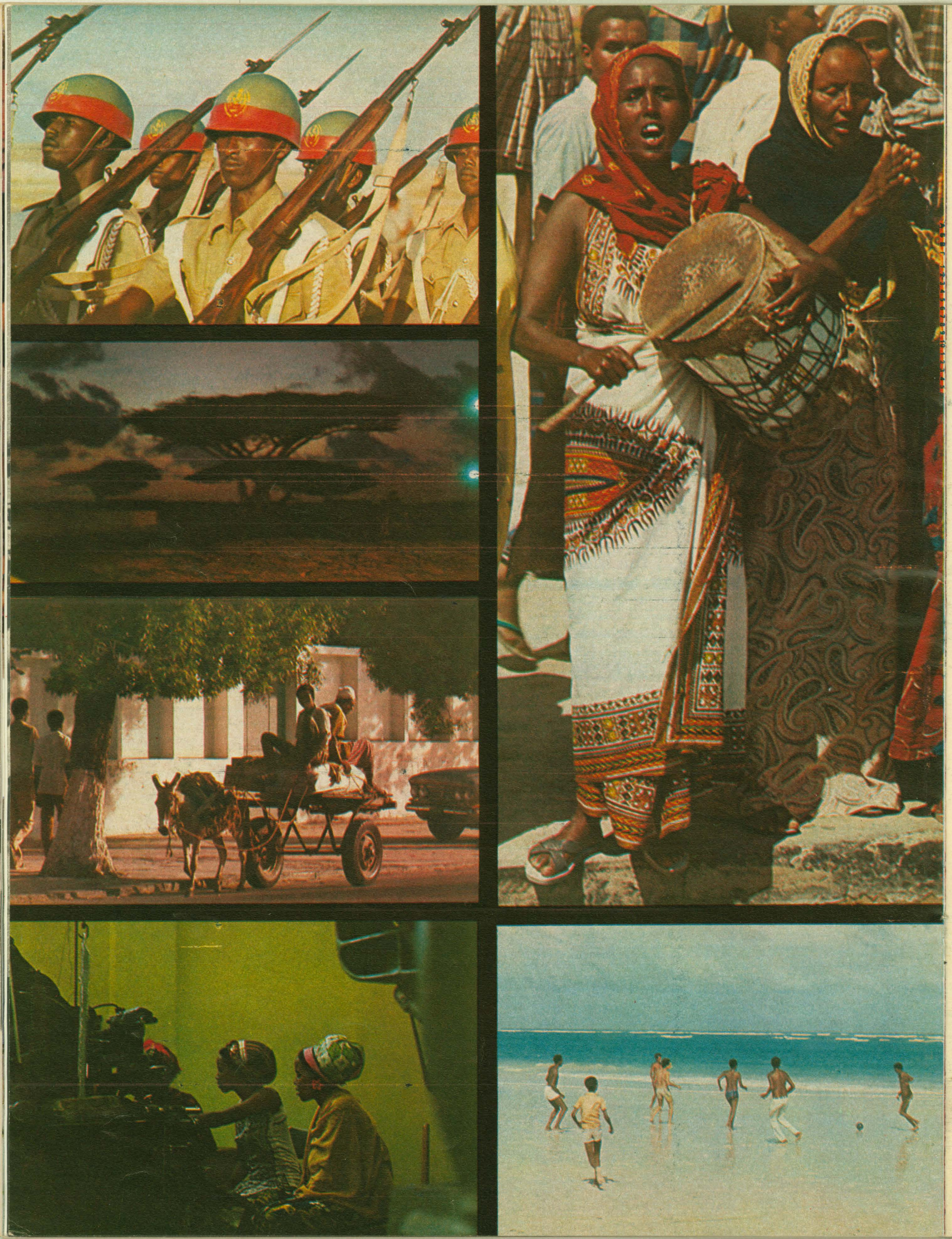

РЕМЕН

зацию. В министерстве сельского хозяйства создан кооперативный сектор, руководящий этим всенародным движением. Намечена ударная программа подъема сельского хозяйства, главные направления которой — развитие духа кооперации, расширение производства с упором на рост урожаев экспортных культур, создание новых рабочих мест для молодежи, повышение квалификации всех работников. В подготовке кадров большую помощь Сомали оказывают социалистические страны. Многие специалисты сельского хозяйства уже получили образование в ГДР, Чехословакии, Советском Союзе.

Особенное внимание обращено на подъем жизненного уровня кочевников-скотоводов, составляющих около семидесяти процентов населения страны. Организованы государственные фермы, недавно началось строительство крупного животноводческого комплекса в пригородной зоне Могадишо. Такие же комплексы намечено создать и в других районах с благоприятными условиями для развития животноводства. И не случайно поэтому в портовом городе Кисимайо построен с помощью Советского Союза современный мясокомбинат — одно из крупнейших предприятий страны — высокомеханизированное производство, где все сверкает белизной. Десять миллионов банок тушеной говядины экспортирует ежегодно в СССР этот комбинат.

Есть в Могадишо улица, носящая имя Владимира Ильича Ленина. По существу, это пока еще просто новая широкая магистраль, почти не застроенная,— школьный городок, несколько жилых домов и молочный завод.

Там я познакомился с москвичами Сергеем Аркадьевичем Асатуровым и Николаем Федоровичем Дзигирем — оба они с Останкинского молокозавода, а сюда приехали, чтобы научить своему «вкусному» ремеслу сомалийских коллег. Они показали мне производство, а закончилась наша экскурсия у эстакады, с которой шла погрузка готовой продукции в автофургоны. Шофер одного из них — с такой могучей фигурой, что непонятно, как он вообще помещается в кабине,— узнав, что я из московского журнала, попросил сообщить читателям следующее:

— Наша страна единственная в Африке, где можно отведать русскую сметану, кефир, простоквашу и другие, такие обычные для советских людей продукты. Сомалийские ребятишки впервые узнали вкус мороженого только после пуска этого завода. Я слышал, что ваши дети едят мороженое зимой. Я не знаю, что такое зима, но думаю, что тогда бывает холодно, как здесь у нас в камерах, в которых закаляют это самое мороженое. И вы, конечно, можете понять, какую радость доставляет малышам мороженое в нашу жару. Я могу передать вам сердечное спасибо от всех сомалийских ребят, потому что сам привожу им это лакомство. Кто, как не я, шофер Абдулкадыр, имеет на это большее право!..

В этот день мне везло на земляков. В одном из цехов крупной типографии, элегантное здание которой украшает приморский квартал столицы, я обратил внимание на невысокого загорелого блондина в выгоревших шортах и в такой же очень уж знакомой по расцветке ковбойке. Он что-то спокойно объяснял наборщикам, переходя от машины к машине. Те внимательно слушали и потом еще более сосредоточенно углублялись в работу. Мы разговорились. Василий Павлович Савоськин — инженер-механик, он и еще двое его коллег обучают молодых сомалийских полиграфистов не только работать на наших машинах, которыми оборудована типография, но и помогают освоить весь производственный процесс, научиться руководить сложным современным предприятием.

Народ Сомали прошел трудный путь к независимости. И даже обретя ее, не сразу почувствовал облегчение — девять лет страной управляли продажные политиканы. И только пять лет назад, с победой демократических сил, когда к власти пришло правительство генерала Сиада Барре, началась новая эпоха. Именоваться страна стала Сомалийская Демократическая Республика.

Одним из важнейших решений нового руководства было принятие декрета о создании письменности на базе латинского алфавита. В стране введено обязательное начальное образование, резко увеличено количество средних школ, успешно ликвидируется неграмотность — уже треть взрослого населения умеет читать и писать. Впервые был создан сомалийский букварь, выпускаются учебники на родном языке, множество книг. Сейчас выходит восемь информационных изданий на сомалийском языке, широко освещающих ход экономических и социальных преобразований, проводимых в стране.

Между СССР и СДР заключены соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве. В соответствии с ними построены (кроме тех предприятий, которые я уже упомянул) рыбоконсервный завод в Лас-Хоре, глубоководный порт в Бербере, радиостанция в Могадишо и другие объекты. Переданы в дар типография, школа и две больницы. В районе Фаноле, на реке Джуба, при участии советских специалистов строится крупный гидрокомплекс с электростанцией и плотиной — будут орошены тысячи гектаров засушливых земель. Кормилица Джуба станет еще щедрей.

Сомали переживает пору больших перемен. Около тысячи различных проектов народных строек обрели плоть: жилые кварталы и больницы, школы и дороги, лесопосадки и каналы, колодцы и плантации. Перемены эти радуют и убедительно подтверждают: страна ведет активную борьбу за новую Африку — свободную и демократическую. В своей внешней политике Сомалийская Демократическая Республика твердо поддерживает национально-освободительные движения, настойчиво выступает против колониализма и неоколониализма.

Все годы независимого существования этой африканской республики Советский Союз оказывал ей всестороннюю поддержку. Новым импульсом в развитии добрых отношений явился Договор о дружбе и сотрудничестве между нашими странами, подписанный 11 июля 1974 года в Могадишо. Он свидетельствует о том, что сотрудничество между СССР и Сомали крепнет год от года. Договор был подписан во Дворце народа — торжественном новом здании, возвышающемся над городом. Напротив Дворца на высоком белом постаменте фигура юноши «Дагатур»— «Бросающий камень»—так называют его. Это памятник жертвам антиколониальной борьбы. И мне вспомнился другой памятник — нашей революции — скульптура Шадра «Булыжник — оружие пролетариата». Около полувека разделяют события, в честь которых изваяны эти памятники. Процесс раскрепощения на нашей планете идет не так скоро, как бы этого хотелось. Но идет, идет неуклонно и неотвратимо.

Накануне отъезда я вышел побродить по городу, попрощаться со светлой и опрятной столицей юной республики. По улицам катили желто-красные такси, перекликаясь своими гудками с гремящим где-то за домами океаном. Вот он увиделся в конце поперечной улицы, тускло поблескивающий отражениями огней стоящих на рейде судов. Ударил крупный дождь — каплями-горошинами — и тут же прекратился. Душновато. В ярко освещенном дворе — теннисный корт. Звонкий стук мячей о струны ракеток. Фонтан с глобусом и бегущими огоньками. Дети зачарованно смотрят на воду. Полная луна, голубая и круглая, как глобус. Серое, мертвое дерево, усыпанное большими белыми пятнами — спящие птицы. По черному небу стремительно мчатся белые клочья облаков. Где-то гремят барабаны. Иду на эти звуки. Вечерняя работа. При свете фонарей мелькают передаваемые из рук в руки кирпичи — разбирают старый дом: он вылез на улицу и мешает проложить тротуар. Это называется «самопомощь»— массовый добровольный труд населения вечерами и по ночам. И добровольные взносы,— на них строятся школы, больницы, центры ориентации (так именуются просветительные учреждения, похожие на наши клубы и читальни)...

Дети узнали вкус мороженого, взрослые — раскрепощенного труда.

Народ узнал вкус свободы.

Армия народа — страж завоеваний революции.
Ночью бывает прохладно даже на экваторе.
Традиционный транспорт.
Здесь печатается первый сомалийский букварь.
Праздничный день.
Футбол — везде футбол.

ИНТЕРВЬЮ С ПЯТЬЮ ОТСТУПЛЕНИЯМИ

ПОКОРЯЮЩИЕ

Фото Г. РОЗОВА.

Г. И. ЧИРЯЕВ, первый секретарь Якутского обкома КПСС

В канун Нового года корреспондент «Огонька» Б. Сопельняк беседовал с первым секретарем Якутского обкома КПСС Гаврилом Иосифовичем Чиряевым и попросил его рассказать о людях Якутии.

Когда на западе нашей страны поднимают новогодние бокалы, в Якутии уже начинается первый день трудового нового года. О суровом этом, счастливом, изобильном крае читаешь в народных сказаниях— олонхо: «Кругом величавые горы, необозримые поля, живописные леса, полноводные реки. Солнце светит круглые сутки. Птицы поют без устали. На лугах пасутся бесчисленные стада коров и табуны лошадей... А живет здесь благородный и мужественный народ — народ-созидатель, народ-воин, смелый защитник мира и счастья».

Почему в легендах наша Якутия встает именно такой? Ведь это край лютых морозов и свирепых ураганов, короткого жаркого лета. Нигде в мире нет такого места, где лето и зима имели бы разницу температуры около ста градусов.

Не в морозах, видимо, дело, не мрак полярной ночи вдохновлял сказителей, выражавших мечты и чаяния народа. Сейчас солнце, озаряющее бескрайнюю Якутию, это солнце свободы, это символ дружбы с народами всей нашей великой Родины — Союза Советских Социалистических Республик.

Якуты — народ любознательный. Они пасли стада оленей, табуны лошадей, ставили капканы на песца, стреляли белку и еще занимались земледелием, правда, в ограниченных масштабах. Ну что, казалось бы, можно найти в вечной мерзлоте? А вот находили. Первооткрыватель алданского золота — охотник Михаил Тарабукин. Якутское стекло — слюду обнаружил охотник Виктор Захаров. Молодой геолог Юрий Хабардин сообщил по радиотелефону: «Закурили трубку Мира, табак отличный».

13 июня 1955 года началась новая глава в истории Якутии. Ведь «табачок», найденный в недрах вечной мерзлоты, был очень нужен стране, необходим для технического прогресса, для пополнения валютного фонда. А Всемирный алмазный синдикат напрочь отказался продавать нам этот твердейший минерал. Когда стало известно об открытии Ю. Хабардина, одна из буржуазных газет писала: «Якутские алмазы залегают в совершенно недоступных местах. Ни зверь, ни птица не могут добраться до кимберлитовых трубок ни зимой, ни летом».

А вот советские люди не только добрались, но и начали добычу алмазов, построили обогатительные фабрики и возвели теперь уже всем известный город Мирный, Вилюйскую ГЭС.

Раз уж я буду рассказывать о тружениках Якутии, о людях, которые сумели победить морозы, пургу, вечную мерзлоту и сделали явью вековечную мечту народа, то пусть и они сами скажут свое слово.

Одним из первых приехал в Мирный экскаваторщик Н. В. Титов — ныне Герой Социалистического Труда.

ОТСТУПЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

— Моя палатка,— рассказывает Н. Титов,— стояла на месте нынешнего Дворца спорта. Рядом еще десятка два таких же «зданий», а вокруг — тайга. Получил я железную печку системы «буржуйка», сколотил из досок топчан, вкопал стол, для дочек соорудил тахту из ящиков, на оконца жена повесила занавески — чем не дом?! Да мне и не привыкать обживать новые места. В Мирный приехал с Урала, а там с самого нуля осваивал Волчанское угольное месторождение. А еще раньше...

На фронт я попал в сорок третьем. Тогда мне едва стукнуло восемнадцать. Направили в полковую разведку. Всю войну провел либо на «ничейной» земле, когда выслеживал фашистов, либо в их тылу, когда добывал «языков». В марте сорок пятого в Восточной Пруссии мне поручили уничтожить засевший на высотке минометный расчет. Взял пятерых ребят, и ночью мы высоту захватили. А утром на нас бросили роту автоматчиков, усиленную танком и бронетранспортером. Я взял на себя танк, а ребятам велел отсечь пехоту. Пополз вперед, а танк в последний момент свернул в сторону. Тогда я швырнул гранату под бронетранспортер. Танк развернулся — и на меня. Выждал я немного и метров с десяти бросил сразу две гранаты — гусеницы как не бывало. Это последнее, что я запомнил...

Склеивали и сшивали меня в Москве, и ко Дню Победы я уже держался на ногах. Когда я бываю в Москве, то обязательно иду к школе на Бауманской улице, где в сорок пятом размещался наш госпиталь. Стою, вспоминаю своих товарищей. По именам. Тех, кто не вышел из этих классов... Честное слово, мне это не раз помогало, особенно когда начинали Мирный.

Родина высоко оценила труд передовиков Мирного — шестеро из них стали Героями Социалистического Труда, многие награждены орденами, награжден орденом Ленина и тогдашний трест «Якуталмаз», ныне объединение, а наш родной город, который мы поднимали с первой палатки,— орденом Трудового Красного Знамени.

Вилюй — одна из крупнейших рек Якутии. Семь месяцев он скован льдом, зато весной Вилюй страшен. С ревом и грохотом мчит он белопенные гребни через свои пятьдесят порогов. И один из них — «Эрбэйэк».

Изыскатели именно этот створ выбрали для сооружения Вилюйской ГЭС. И строить надо было быстро, очень быстро. Ведь каждый киловатт-час был на вес золота. Вопрос стоял так: не будет электроэнергии, не будет и алмазов.

ОТСТУПЛЕНИЕ ВТОРОЕ

— Я здесь с первого колышка, так что всякого насмотрелся,— вспоминает кавалер орденов «Знак Почета» и Октябрьской Революции электрослесарь В. В. Бакулин.— На берега Вилюя съехались гидростроители со всех концов страны. А река эта серьезная, да и холод стоял лютый. Бывало, термометры показывали минус пятьдесят девять! От такого мороза лопались стрелы кранов, рассыпались автомобильные шины, рвались тросы экскаваторов. Порой не выдерживали и люди. Мы их не осуждали: север по зубам далеко не каждому.

...Поначалу я плотничал, слесарил, долбил скалы, а потом, когда смонтировали дизельную электростанцию, стал работать по своей специальности: тянул линии передач к экскаваторам, буровым станкам, делал установки для прогрева земли... Через три года собрался в отпуск. Аэродром раскис, самолеты не летают. Что делать? Сколотили компанию из пяти человек и пошли в отпуск пешком. Три дня добирались до Мирного. Перед самой посадкой в самолет узнали, что Вилюй взбесился — вот-вот снесет плотину. Сдали мы билеты и за день добежали до Чернышевского — так называется наш поселок. Что тогда творилось! Работали по восемнадцать часов в сутки, без праздников и выходных, даже Первого мая. И Вилюй сдался, с паводком мы справились.

И вот вспыхнула первая лампочка! Мы ходили как шальные, смотрели друг на друга и удивлялись: неужели это мы, обыкновенные люди, смогли возвести такую плотину, заставили Вилюй вращать турбины и укротили «Эрбэйэк». Выходит, что мы. Кроме нас, некому...

«...В Москве 3 июня подписано генеральное соглашение о поставках из Советского Союза в Японию южноякутского угля и о поставках из Японии в СССР машин, материалов и других товаров для разработки Южно-Якутского угольного бассейна... Экспорт якутского угля в Японию к 1986 году превысит 5 миллионов тонн в год».

Это сообщение, напечатанное в «Правде», стало венцом работы многочисленных отрядов изыскателей под руководством главного геолога Южно-Якутской комплексной экспедиции С. С. Каримовой.

В Чульман она приехала двадцать пять лет назад, сразу после окончания Казанского университета. Некоторое время занималась поисками слюды, а потом «заболела» углем. Ее учителя Г. Ю. Лагздина и О. А. Трещалова «зацепились» за Нерюнгринское месторождение еще в пятьдесят первом году, а разведывать, определять границы и запасы довелось Симе Сафиевне. Двадцать тысяч скважин пришлось пробурить, чтобы установить, что обнаружено крупнейшее месторождение коксующегося угля. Всего выявлено двадцать пластов, но королем среди них является «Мощный». Он залегает в виде чаши и так близко от поверхности, что практически представляет собой склад в миллионы тонн, из которого экскаваторы могут черпать уголь и ссыпать в кузова самосвалов. А всего в ста километрах от будущей столицы угольщиков Нерюнгры лежит Алданская железорудная провинция. Если же учесть, что скоро в Нерюнгре начнется строительство крупнейшей на востоке страны тепловой электростанции и совсем рядом пройдет стальная колея дороги БАМ — Тында — Беркакит, входящая в систему БАМ, то нетрудно представить, что появится реальная возможность заложить здесь угольно-металлургический комплекс, тем более что вспомогательного сырья для выплавки чугуна и стали вокруг предостаточно.

ОТСТУПЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

— Не думайте, что наша работа на этом закончилась,— улыбается Сима Сафиевна Каримова.— Геологи, как известно, всегда в поиске, всегда в пути. А перспективы грандиозные. Чего только нет в Южной Якутии! Здесь огромная концентрация природных богатств. Но их надо найти, разведать, установить запасы. Этим мы и занимаемся. Теперь мне, правда, будет легче. Скоро появится мощная поддержка: заканчивают институты обе дочки и мечтают приехать в родные края, чтобы продолжить дело родителей. Что ж, мы ждем и их и их сверстников: кому-кому, а геологам работы хватит. И кто знать, быть может, им тоже улыбнется счастье и через десяток лет в газетах появится сообщение о том, что на базе обнаруженного ими месторождения начато строительство нового города.

...Этих людей знает вся Якутия. Да что там Якутия! Было время, когда их имена гремели

СЕВЕР

по всей стране. Полвека минуло с того дня, когда в верховьях ручья Незаметного встретились якут Михаил Тарабукин и латыш коммунист Волдемар Бертин. И хотя старый охотник нашел золото первым, он рассказал обо всем Бертину и показал свой золотоносный участок.

Теперь Тарабукин и Бертин, отлитые в бронзе, бок о бок стоят на главной улице Алдана — города, появившегося благодаря им.

ОТСТУПЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

— Я-то помню их живыми,— говорит старейший золотоискатель Якутии Абрам Петрович Алилуев.— С двадцать четвертого года «старался» в этих краях, но не так чтобы очень фартово. Артелишки-то были худые, инструмент — лопата, кайло да лоток. А тут клич бросили: кто возьмется по санной дороге дотащить разобранную драгу. Молодой я был, любопытный, хотелось узнать, что это за зверь, работающий лучше тысячи старателей. Восемьдесят верст от Томмота до Алдана тащили на себе разные железяки. А потом надо было их собрать, да так, чтобы друг к дружке подошли. 21 августа 1926 года привинтили последнюю гайку, и паровая драга отправилась в плавание! Да-да, денек, на всю жизнь памятный. Позже я монтировал все алданские драги, а такого праздника больше не было. Но мечту я имел другую: хотелось стать драгером и самому добывать золото. Не исполнилось... А вот сын зато намыл золота, как говорится, и за себя и за меня. Николая Алилуева знает весь Алдан. Ему орден Трудового Красного Знамени дали...

— Сперва я пошел по батиным стопам,— продолжает наш разговор уже Николай Абрамович.— Построил несколько драг, а когда закончил сорок первую, чувствую, больше не могу. Совсем извелся, но, чтобы стать драгером, надо закончить горный техникум. А я уже взрослый парень. Пришлось «садиться на стипендию», а через четыре года пришел на сорок первую драгу. Вышло бы что из меня — еще вопрос, но мне повезло на учителя. Им стал Федор Артемьевич Ощепков — старый, мудрый мастер. Самая большая ошибка, которую может допустить драгер,— это порвать черпаковую цепь. Весит она ни много ни мало сто пятьдесят тонн. Наскочишь на валун — ее как не бывало. Сутки надо, чтобы соединить черпаки. А стоит драга — не идет золото — убытки такие, что и подсчитать трудно. Рвал я эту цепь, и не раз. Прямо хоть подавай «по собственному». Тогда за меня взялся Федор Артемьевич! Он утверждал, что у драгера должен быть особый нерв, чувствующий всю в две с половиной тысячи тонн махину. И глаз нужен «с рентгеном» — видеть, что творится на восьмиметровой глубине, где черпаки скребут мерзлоту. Не верилось, что человек может учуять валун или кусок скалы. Оказывается, может. Но для этого нужен тот самый нерв... Вот такая наша работа, за которую комбинат «Алданзолото» отмечен орденом Октябрьской Революции.

Мы придаем большое значение интенсификации производства на основе достижений науки. Вот отдельные примеры. Холод доставляет неприятности не только людям. Он часто вызывает поломки техники. Обыденными у нас были до сих пор разрушения полуосей и рам автомобилей, лопнувшие стрелы и оборванные тросы экскаваторов, разваливающиеся пополам ножи бульдозеров. Рассыпались шины грузовиков, обрушивались сваи драг. Материальные убытки от всего этого трудно и подсчитать.

На помощь пришла наука. Промышленность, внедряя рекомендации ученых, начинает выпускать технику специально для Севера. Институт физико-технических проблем Севера, созданный у нас в составе филиала Сибирского отделения АН СССР, плодотворно ведет исследования, связанные с повышением работоспособности машин на Севере, с насущными проблемами горного дела и энергетики...

ОТСТУПЛЕНИЕ ПЯТОЕ

— Разработать пути наиболее оптимального энергообеспечения народного хозяйства республики, найти наиболее дешевые методы разработки полезных ископаемых на Севере, изыскать пути повышения хладостойкости материалов и конструкций — вот основные направ-

Драга зимой...

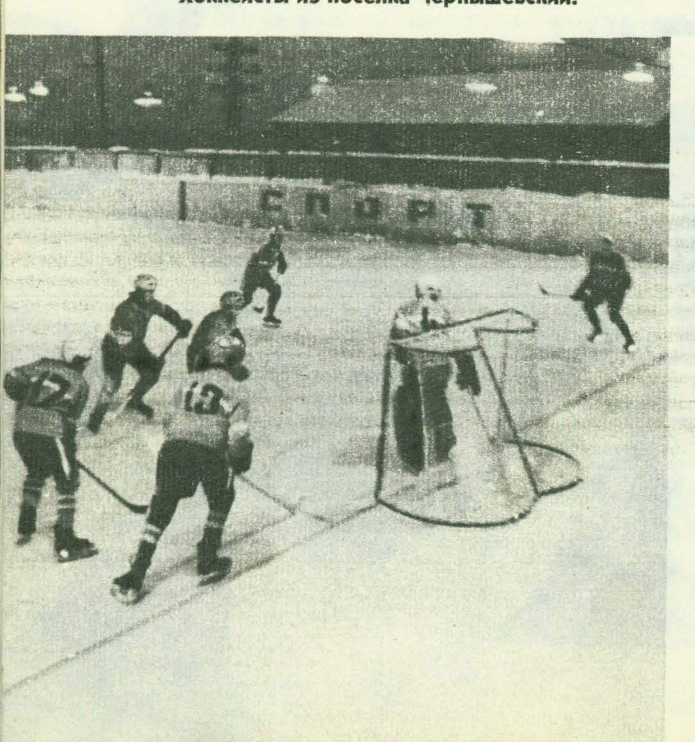
Трубка «Интернациональная». Здесь добывают алмазы.

ления деятельности нашего института, направления, весьма важные для развития народного хозяйства не только Якутии, но и всего Севера,— говорит заместитель директора института, кандидат технических наук В. П. Ларионов.— Наши ученые изучили особенности поломок машин и механизмов и предложили методы предотвращения таких поломок. В частности, нами разработаны способы электросварки при пятидесятиградусном морозе. Наши рекомендации используются заводами при изготовлении машин, механизмов, которые будут действовать в суровые морозы.

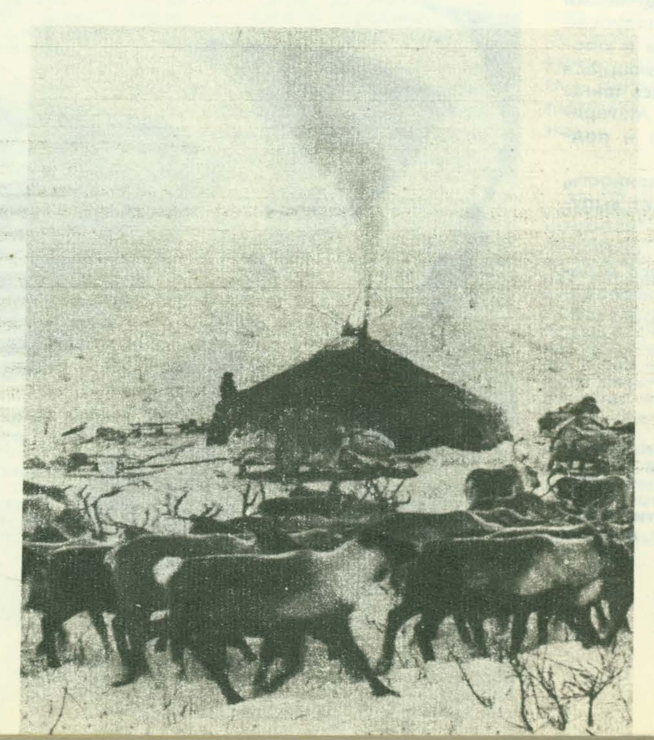
Большим достижением якутских ученых является открытие существования твердого газа в земной коре, которого, кстати, гораздо больше, чем обычного. Трудность заключается в том, что его довольно сложно извлекать на поверхность с полукилометровой глубины, где он подобен льду. Нужно найти эффективные способы извлечения такого газа. Другие возможности таит искусственно создаваемый газогидрат. При его разложении, например, получается биологически активная вода. Политый ею, скажем, картофель созревает намного быстрее. Мне, выходцу из крестьянской семьи, это особенно близко. Лето у нас хоть и жаркое, но короткое, и я не раз видел, как весь ожидаемый урожай так и оставался в земле.

Меня, сына потомственного охотника, весьма беспокоят вопросы бережного отношения к природе. Особенно к северной, легко ранимой и трудно восстанавливаемой. Нужно сказать, что мы многим обязаны вечной мерзлоте. По количеству годовых осадков район Якутска — пустыня. А между тем город окружен тайгой. Оказывается, все дело в мерзлоте, которая не пропускает глубже двух метров то мизерное количество влаги, которое выпадает у нас: ее доста-

Хоккеисты из поселка Чернышевский.

Стоянка оленеводов.

Народная артистка Якутской АССР Анегина Ильина.

Ему 23 года, но вся Якутия знает Прокопия Петровича Слепцова, потомственного оленевода. Он депутат Верховного Совета СССР и отлично работает в комсомольско-молодежной бригаде Константина Алексеевича Трофимова.

точно, чтобы росли деревья и травы. Но мерзлота весьма «капризна», ее надо беречь, особенно тщательно в тундре и лесотундре, где она укрыта тонким «одеялом» растительного слоя. Стоит пройти трактору, как это «одеяло» рвется, мерзлота обнажается и тает. Возникают огромные озера, а их у нас и без того свыше шестисот пятидесяти тысяч. Если же учесть, что сейчас в республике нет района, где бы не велись буровые и поисковые работы, то все острее встает вопрос о создании особого вида транспорта: я имею в виду экранолеты, дирижабли, суда на воздушной подушке.

* * *

Сегодня мы встретились здесь только с несколькими товарищами, которые, как вы видите, достойно представляют рабочих, строителей, геологов, работников науки Якутии. Но Север преобразуют все труженики, населяющие его. Это и работники транспорта, сферы обслуживания, это значительный отряд советской интеллигенции. Каждый на своем посту вносит посильный вклад в ускоренное развитие экономики и культуры республики. Все они полны решимости завтра работать еще лучше, чем сегодня, у всех у них конкретные планы-обязательства, рассчитанные на досрочное выполнение заданий завершающего года пятилетки, с тем чтобы в 1975 году сделать еще один широкий шаг на пути дальнейшего расцвета экономики и культуры социалистической Якутии

Первостроители Вилюйской ГЭС — Василий Владимирович Бакулин, Алексей Васильевич Павлов и его сын, ровесник стройки Андрей.

Купаться можно и при минус сорока девяти.

УСПЕТЬ ДО НОВОГО ГОДА

МАЛУНГУН

РАССКАЗ

Рисунок И. УШАКОВА.

Малунгун — псевдоним малайзийского писателя Амира Хамзы бин Шамсуддина (родился в 1938 году), автора нескольких сборников рассказов, а также очерков и репортажей.

1

Мулок вылил последнее ведро раствора в опалубку стояка. Работа шла уже на двенадцатом этаже каркаса дома. Дом рос быстро, как гриб после дождя. Заляпанные цементом ведра Мулок поставил на груду мешков посреди бетонного перекрытия, очистил руки от присохшего цемента и медленно пошел к краю площадки. Под ярким светом больших ламп, которые зажигались здесь ежедневно с наступлением темноты, пятеро других рабочих тоже заканчивали свое дело.

Сверху Мулоку была видна чуть ли не вся столица. Уличные фонари, огни рекламы, то гаснущие, то вспыхивающие вновь, фары автомашин, двигавшихся встречными потоками по артериям улиц, превращали город в какой-то огромный живой организм.

Двумя руками он покачал трос, вызывая подъемник, доставлявший наверх материалы и рабочих. Мулок чувствовал себя вконец уставшим. Уже более двух недель он работал сверхурочно, до восьми вечера. Да и не он один — так работали почти все на стройке. Подрядчик нажимал вовсю и не останавливал строительство ни днем, ни ночью, чтобы успеть выгнать четырнадцать этажей здания до Нового года.

Подъемник все не приходил. Усталые, воспаленные глаза Мулока продолжали скользить по крышам города — от дальнего его конца и до центра, до скелета дома, на верху которого он стоял. Когда взгляд его останавливался на прижавшихся друг к другу крышах темных лачуг по соседству с устремленными ввысь этажами, Мулок быстро переводил его туда, где было светлее и оживленнее. Но мысль цеплялась как раз за темные лачуги и заставляла глаза возвращаться к ним.

Мулок не заметил, как подъемник, которого он ждал, медленно пошел наверх. Он думал о том, что к Новому году каркас здания будет готов — красивая выйдет штука! — но тогда ему уже нечего будет здесь делать. Всем рабочим придется уходить с этой стройки. А куда? Куда? И лачуги снесут. Будут строить на их месте новые дома. И все придется начинать сначала.

— Эй, Мулок! — Резкий окрик и толчок в плечо прервали его мысли. Он обернулся. Это был его друг, тамил Велу — рот открыт так, что все зубы видны, лоб блестит, капли пота переливаются в лучах мощной лампы.— Уф! — устало вздыхает он и вытирает рукавом рубашки пот с лица. Зажатые в правой руке две пустые бутылки описывают при этом сложные дуги.— Ты что, опять грустный? — спрашивает он.

Мулок тяжело вздыхает:

— Говорить, Велу, неохота!

Его острые плечи, посаженные, кажется, прямо на лестницу ребер, еще больше сутулятся...

Из подъемника вышла новая смена, каждый рабочий нес сверток с едой и бутылку воды. Велу и Мулок вошли в подъемник, став поближе к центру — боковых ограждений не было,— и платформа медленно поползла вниз, отсчитывая этажи каркаса здания.

Велу не хотелось молчать:

— Ты это зря. Так убиваться не можно.

— А как можно? — Мулок глядел вдаль, в беззвездное небо. Где-то за городом, между небом и землей вспыхивали молнии. Оттуда тянуло ветерком, и он высушивал пот. Велу долго, не отрываясь, смотрел на Мулока. Он знал, что только ему Мулок может рассказать все, что на душе. Ему, как другу, он всегда все рассказывал. И Велу всегда старался помочь — советом, просто добрым словом. Про себя же Велу подумал: вечно он должен переживать за других. Просто везет ему на таких, у кого не ладится в жизни. Пройти мимо них он не может.

— Ты ведь слышал, что недавно мой отец умер, много молодой еще? — спросил Велу.

— Угу.

— А почему умер, знал?

Мулок внимательно посмотрел на Велу, пытаясь угадать в темноте выражение его лица. Потом покачал головой:

— Не знаю.

О смерти отца Велу говорил уже несколько раз, но почему он умер, Мулок не знал.

Подъемник остановился внизу. Здесь было заметно жарче: ветер не продувал, как на высоте. Но вспышки молний где-то у горизонта, далеко за городом, были видны и отсюда.

Они вышли со стройки, и взгляд Мулока сразу же уперся в лачуги, которые здесь, внизу, казались еще более тесно прижатыми друг к другу. Стены их были сооружены из поставленных один на другой ящиков из-под сгущенки, а щели заделаны мешковиной и картоном. Сверху лачуги были покрыты сплющенными жестяными жбанами и бочками из-под керосина и битума. Слава богу, что хоть темно-то здесь не было: спереди, с высоты двенадцати этажей, доходил свет мощных ламп, а справа над многоэтажным зданием сверкали и двигались огни неоновой рекламы. В узких и грязных, заваленных отбросами проходах, у дверей тускло освещенных домов сидели женщины с густо напудренными лицами. Временами к ним подходили мужчины, наклонялись, закуривали, спрашивали о чем-то и уходили — иногда вместе с женщинами.

Мулок перевел взгляд на строящееся здание. Его каркас поднимался высоко в небо. Наверху люди, обливаясь потом,— Мулок представил себе блестящие под лампами спины — давали жизнь мертвому остову, заставляя здание расти и расти. Звезд не было. С той стороны, где небо прорезали отблески молний, медленно надвигалась черная туча.

— Ты будешь слушает? — спросил Велу, видя, что Мулок думает о чем-то своем. Мулок посмотрел на него и глубоко вздохнул.

— Ну, говори,— сказал он. Они стояли между скелетом здания и скопищем лачуг, у каждого в руке старая корзинка и пустые бутылки.

— Тогда было время, когда я был много маленький, вроде семь лет,— заговорил Велу.— Отец мой много больной был. Один раз он кашлял, и потом кровь изо рта шел. Он сказал моей матери: «Рани, если я буду так, лучше я умру. Ты ищи много крепкий яд, дай мне, и тогда я можно умереть».

Велу замолчал и стал, откашливаясь, прочищать горло. Мулок терпеливо ждал продолжения рассказа, глядя на Велу.

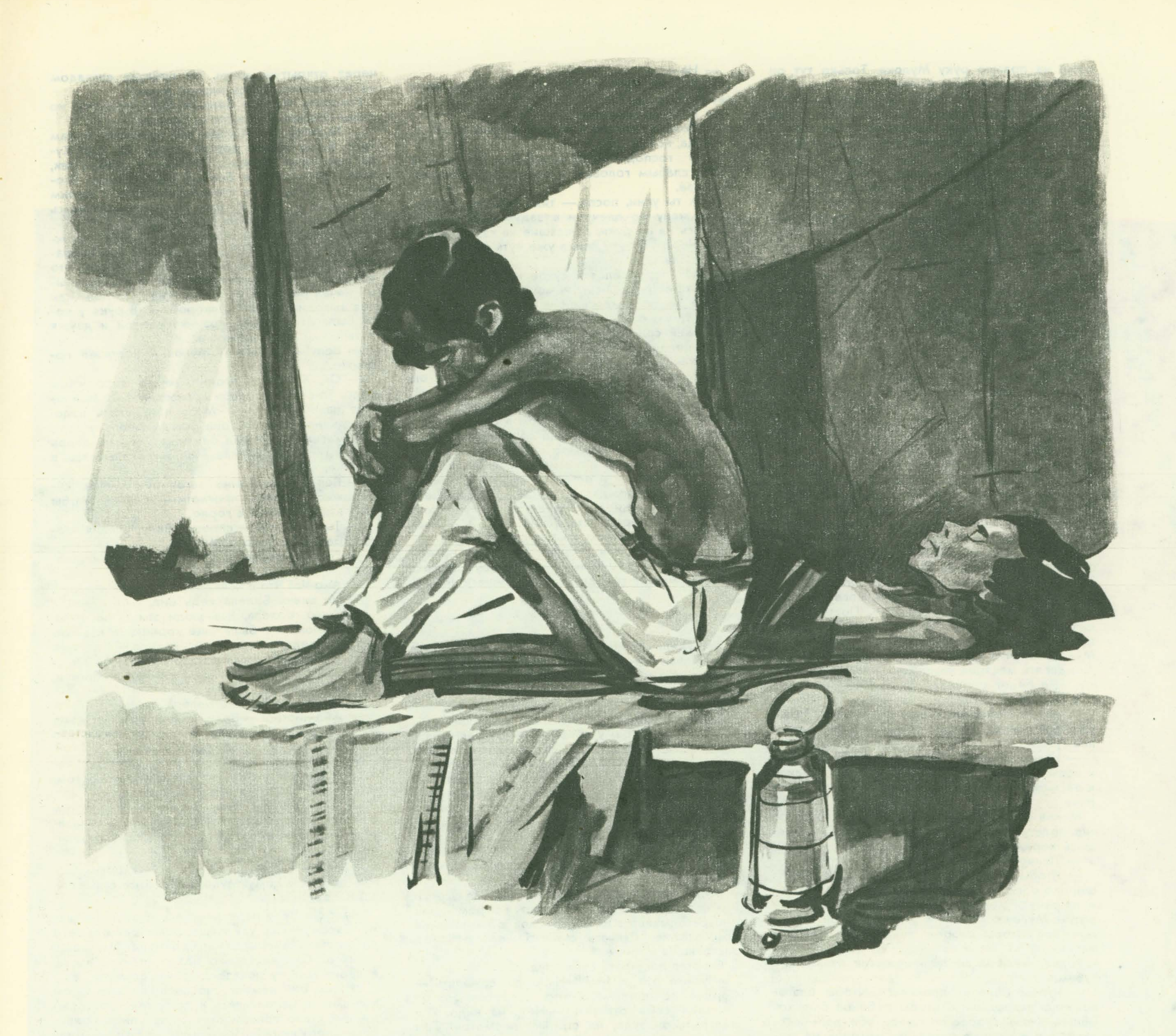
— Моя мать стала плакать и сказала: «Ай, ай, Лингхам, так нельзя, господин Аллах будет много сердиться». Потом мы, два человека, каждый день ходили работать. Когда приходили домой, мой отец опять говорил такие слова. У него болело сердце, когда он смотрел, что моя мать много работает, и он хотел помогать. Потом был еще один день...— Велу вытер рукавом рубашки нос, и бутылки в руке опять описали дугу перед его лицом. Мулок слушал внимательно.— Потом был еще один день, и мы пришли домой после работы, а отец не лежал на кровати. Мы, два человека, искали его, но не нашли. Моя мама много плакала. Потом я хотел идти в уборную... ай-ааа!.. он был там...— Велу высморкался, и глаза его быстро замигали.

— И что?..— нетерпеливо спросил Мулок.

— Он уже умер,— ответил Велу, сразу сникнув, и зачем-то задвигал ногой, будто хотел выковырнуть из земли камень. Глаза его покраснели от слез.— Отец, конечно, много жалел мою маму, он много искал новое сари для мамы, много был хороший, потом пошел туда, привязал себя за шею...

— Да... если у тебя такая мать, то наверняка она сильно убивалась.

— О-о-о! Не можно сказать. Она еще много убивалась. Она сказала, что мой отец никогда не хотел делать ей плохо, но он умер и сде-

лал ей плохо. Много дней моя мать плакала, потом один день пошла работать, я был дома, потом мать не вернулась.

— Куда же она ушла?

— Не знаю.— Велу опять шумно прочистил нос и вытер мокрую руку о штаны.— Все люди не знают. Я жил теперь один, но у меня судьба немного хорошая, есть один человек, помнил и давал мне кушать. Потом он говорил, что сам живет трудно, он много имел детей, потом я нужно сам искать работу... айааа! — Голос Велу вдруг сорвался, и он так и не докончил фразу.

— Да ладно, Велу. Зачем плакать-то? Ты плачешь, и мне становится совсем плохо, понимаешь? — говорил Мулок, дружески похлопывая Велу по спине.

Велу вытер нос и глаза, прокашлялся и посмотрел на Мулока.

— Верно, верно. Поэтому я не хотел идти к тебе домой и делать тебе плохо. Ты потом будешь, как мой отец, и сколько будет еще плохо?

«Действительно,— подумал Мулок,— сколько же будет еще плохо?» Мысль его сразу перенеслась к жене, лежавшей пластом на шаткой кровати в лачуге из ящиков. А в чреве у нее ребенок... уже шесть месяцев — их ребенок. Жена заболела два месяца назад: вдруг ослабла вся, ни руки, ни ноги не могла поднять. Никакого лекарства из аптеки Мулок не мог ей дать — идти к доктору за рецептом он не решался, потому что когда однажды заболел сам и пошел к врачу, тот сказал: «У тебя недоедание. Надо чаще есть яйца, мясо...» Такие слова напугали Мулока.

— Пойдешь домой? — спросил он Велу. Тот кивнул, и они распрощались. Велу поплелся к своей лачуге, а Мулок пошел в проулок позади большого дома с магазинами. В плохо освещенных местах проулка все так же дежурили женщины с наштукатуренными лицами, но мужчин здесь стало больше. Три собаки торопливо разгребали отбросы в опрокинутой мусорной бочке. Ощущавшийся только наверху стройки в подъемнике ветер вдруг залетел и в проулок, старая, рваная газета поднялась с земли и, переворачиваясь, полетела, обгоняя Мулока. Отблески молний, разрезавших черное небо, теперь вспыхивали прямо над головой, и сразу же вслед за этим слышались близкие раскаты грома. Мулок быстро шагал, с опаской поглядывая вверх.

2

Когда он был уже недалеко от того места, где кончались ряды лачуг, одна из огненных стрел воткнулась в верх строившегося дома, черное небо дважды с треском раскололось, и первые капли дождя стеганули Мулока по лицу, запрыгали по выбоинам проулка и по крышам лачуг, задрожавших под напором злого ветра.

Мулок побежал. Дождь с нараставшим шумом погнался за ним и обрушился на дом раньше, чем хозяин достиг его. Мулок с разбегу вломился в дверь. И захлопнул ее, оставив снаружи и дождь и бешеный ветер, которые пытались ворваться в дом вместе с ним.

— Это ты? — послышался слабый женский голос.

— Ух! — выдохнул Мулок, стряхивая с себя воду. В лачуге было темно, и лишь сквозь щели в нее просачивался свет от соседей. Мулок пошарил рукой по стене и, нащупав керосиновую лампу, вывернул фитиль.

— Ты! — обрадованно сказала жена, когда в комнате стало светлее. Жена лежала на кровати. Рядом с ней стоял термос, два пузырька со снадобьем, чистый опрокинутый стакан и чашка с кофе. Стены, оклеенные газетами, были пусты. В дальнем углу стояла керосиновая плитка с тремя конфорками и кухонная утварь.

— Это что? — спросила жена, показывая гла-

зами на правую руку Мулока. Только тут он вспомнил о том, что принес.

— Лекарство,— ответил он, подняв вверх руку, в которой держал флакончик, и снова взглянул на совсем высохшее тело жены, ужаснулся тому, как жутко выделялся ее большой живот. У него защемило сердце...

Поженились они два года назад. Ему тогда было уже тридцать, а ей двадцать восемь. Раньше жениться он не мог. Собирался не раз, но всегда откладывал из-за того, что не было денег. Кем только ему не приходилось быть: мойщиком лотков на оловоразработках, ассенизатором, бечаком [1], сводником — он знал в округе все публичные дома и всех женщин, которые торговали собой. В конце концов ему удалось получить работу на строительстве большого дома, совсем рядом с тем местом, где он жил. Вместе с другими рабочими он сначала ломал прилепившиеся друг к другу лачуги на месте будущей стройки. У него сжималось сердце, когда он видел, как обитатели «ящичных домов» выходили со своими пожитками, а потом их каморки сносились... При этом, правда, кое-что перепадало и ему: длинные хорошие доски рабочие оставляли, чтобы потом поделить между собой, и из своей доли он соорудил кровать — на ней сейчас и лежала, распластавшись на спине, его жена Рокия. Познакомился он с ней, когда был сводником. Началось с того, что как-то на улице он подсел к ней, и они разговорились о житье-бытье. Потом они поженились и переехали в их нынешнее жилище. Мулок настоял на том, чтобы Рокия покончила со своей «работой». Ребенка они сначала не хотели — их беспокоило, как будут относиться к нему люди, когда он вырастет, и вообще его будущее. Поэтому Рокия продолжала пить то же зелье, что регулярно пила до замужества. Но потом, когда Мулок получил работу в строительной компании десять месяцев назад, они решили по-иному. «Не будет ребенка, тогда зачем нам жилье, какие-то вещи?» — сказала тогда Рокия.

И вот что получилось из этого теперь. Рокия уже два месяца болеет. И ей с каждым днем все хуже.

— Какое лекарство? — снова заговорила она и попыталась улыбнуться. Губы ее растянулись и застыли, как на лице клоуна с детского шарика.

Мулок тоже улыбнулся через силу, проглотил подступившую к горлу слюну и, опустившись перед женой на колени, сказал:

— Лекарство для тебя.

— Чтобы мне легче стало? — Глаза жены широко раскрылись, она с явным усилием подняла руку и медленно потянулась за склянкой в руке Мулока.

— Угу. Чтобы скорей кончилась твоя болезнь.

Рокия закрыла глаза и прижала пузырек к губам.

— Чтобы болезнь кончилась, чтобы благополучно разродиться, чтобы ребенок был хороший, чтобы скорее помогать тебе, да?— сказала она и, открыв глаза, посмотрела на мужа.

Он промычал что-то, глотая вновь застрявший в горле комок и стараясь изобразить на лице улыбку. Он не отрывал взгляда от лица жены, пытаясь понять, какие чувства отражались на нем. «Прямо живой скелет»,— снова подумалось ему.

— Сколько таблеток враз?

— Две... э-э-э, нет, четыре...— ответил Мулок и стал торопливо открывать крышку термоса, чтобы налить ей в стакан горячего кофе.

— Не много четыре?

— Ничего! Чтобы скорее ушла болезнь.

Рокия одну за другой проглотила белые круглые таблетки. Мулок протянул ей теплый от кофе стакан.

— Куда будем переезжать, когда поправлюсь? — спросила она, опять откидываясь на подушку.

— Никуда,— ответил Мулок, взяв пузырек из рук жены и затыкая его.

— Так ведь до Нового года все должны переехать?

— Отменили.

— И наш дом не будут сносить?

— Не-а.

— Значит, можно будет здесь жить, пока ребенок не вырастет.

— Пока не вырастет.

— Пока не сможем купить новый дом?

— Да, новый дом.

— О господи!— обрадованно произнесла Рокия слабым голосом и от усталости закрыла глаза.

— А ты усни, поспи,— тихо говорил Мулок, гладя жену по плечу и в задумчивости уставившись на ее руки, лежавшие на вздутом животе. Через минуту Рокия уже чуть слышно похрапывала.

Мулок переоделся в сухое и попытался заснуть, пристроившись рядышком с Рокией. Но ничего не получилось. Как только он закрыл глаза, думы о лежавшей рядом жене прогнали всякий сон, и лицо стало мокрым от слез. Он поцеловал спящую жену в щеку — щека была какой-то необычно холодной, совсем не такой, как много месяцев назад, когда он впервые притронулся к ней губами.

В груди у Мулока заныло — от обиды, жалости, горя. Он уткнулся лицом в грудь Рокии, будто хотел дотронуться до ее нежного сердца, передать ему все, что наболело на душе, в надежде, что оно поймет, поймет до конца. Но стон души так и остался невысказанным.

Глухой шум дождя за стеной не прекращался. Боль в груди Мулока стала притупляться и отступила перед усталостью. Так он и заснул на кровати рядом с женой, уткнувшись лицом ей в грудь, как засыпал в ту далекую пору, когда они еще только узнали друг друга...

Рокия между тем дышала все тише и тише...

3

Разбудили Мулока, как обычно, звуки проснувшегося города: звенели большие жестяные жбаны, в которые жители кампунга, толпясь у колонки, набирали воду; треск и грохот раздавались со строительной площадки; где-то загремел упавший велосипед; звонил бечак, расчищая путь своему трехколесному экипажу; слышались голоса людей, выходивших из лачуг и спешивших попасть на первый автобус...

Через несколько секунд Мулок окончательно проснулся. И тут же в голову пришла мысль о Рокии. Не спуская ног с кровати, он резко сел и повернулся в сторону лежавшей рядом жены. Укладываясь вчера спать, он не взял одеяла, и на Рокии было только платье. Поэтому он сразу увидел, что грудь ее неподвижна.

Мулок почти зримо ощутил, как все уголки его ветхого жилища наполняются горем и как оно расплывается по дому, словно чернила на промокашке. Дышать стало тяжело от слез, застрявших в горле.

Он стал растирать себе грудь.

«Ну что это я так? Надо ли сожалеть?— Сердце не принимало этих вопросов. Но он заставил себя ответить: — Нет, не надо. Посмотри. Вон туда, на стройку посмотри! Там спешат изо всех сил. И хозяин и рабочие хотят получить деньги — поскорее и побольше. А ведь чем скорее люди сделают работу, тем быстрее они приведут себя к краю пропасти. Своими руками они, мои соседи, да и я вместе с ними должны снести свои жилища, когда работы на четырнадцатом этаже будут закончены. Эти лачуги долго служили нам убежищем. Для чего? Лишь для того, чтобы мы могли продлить никому не нужную жизнь. А куда деваться после этого? Куда?»

Продолжая смотреть на верх здания, Мулок все шевелил губами. Потом спохватился, что говорит сам с собой; единственным человеком, который мог бы его услышать, была лежащая в лачуге жена. Он медленно подошел к Рокии. Сел на корточки у кровати, долго смотрел на посеревшее лицо, на неподвижное тело с выпиравшим животом. Две мухи кружились рядом и то и дело садились у ее открытого рта. Он отогнал мух и сомкнул ей губы.

Потом обеими руками он стал гладить щеки жены, смотря ей в глаза так же, как он смотрел в них, когда они впервые оказались вдвоем в номере гостиницы два года назад.

— Теперь тебе легко, Рок,— шептали его губы.— Ведь я сделал так, чтобы помочь тебе. Не-е! Я не хотел тебя убить... Ро-ок! Я тебя люблю. Но посмотри-ка сама вон туда...— И через открытую дверь он показал взглядом на тянувшийся ввысь каркас дома.

Говорить Мулоку больше было невмочь, но слова продолжали идти из сердца:

— Видишь это? Скоро его выстроят, и нам надо будет искать другое жилье. Но где? Куда нам идти? Милая... Поэтому я сделал так, чтобы ты уснула и больше не страдала. Чтобы ты всегда была счастлива вместе с нашим ребенком.— Рука Мулока медленно двигалась по животу Рокии, а сам он плакал.

Потом он встал и вышел на улицу. Осторожно прикрыв за собой дверь, он быстро направился к дому Велу. В душе он опасался, что тот уже поднялся наверх и вместе с остальными начал работать. Но оказалось, что Велу как раз выходил из своей «коробки». В руке у него была все та же корзинка с едой и двумя бутылками горячего кофе.

— Велу!— окликнул Мулок и подошел поближе.

— Ой, Мулок! Сегодня много торопиться надо. Тс-с-с! Не говори громко.— И он приложил палец к губам.— Мала еще спать надо. Дождь ночью если, она всегда много устает, понимаешь? — шептал он, показывая на дверь хижины озорными глазами и расплываясь в улыбке.

— Велу...— медленно заговорил Мулок, судорожно пытаясь проглотить слюну, чтобы смочить пересохшее горло.

— Ты чего это? — спросил Велу, уловив что-то странное в голосе Мулока.

— Рокия умерла...— И Мулок опустил голову.

— Айо-йо! Что с ней?

— Не знаю. Болела ведь она.

— Знаю, болела. Все люди знают об этом. Но вечером она была еще хорошо. Мала про это говорила, вчера туда ходила.— На лице Велу была полнейшая растерянность, он стоял с открытым ртом, а глаза его так и бегали, ощупывая Мулока.

— Говорю тебе, она болела.

— Айо-айо-йо! — Велу повернулся к дому и закричал: — Эй, Мала! Мала, ву-у! — Никто не отозвался, и он бросился в дом.

Мулок уронил голову на грудь. Внутри у него все дрожало. «Что это? Я сожалею о том, что сделал? Нет, не надо. Я спас ее».

Он слышал, как Велу будил жену и потом они быстро говорили о чем-то. Мала показалась в двери, взглянула на Мулока, заголосила:

— Айо-йо! Рокия, айо-йо! — и скорым шагом пошла к дому Мулока, на ходу оправляя сари и волосы.

Мулок и Велу переглянулись и пошли к дому Саламуна, их товарища, тоже работавшего на стройке. Дверь дома Саламуна была еще заперта. Они несколько раз окликнули друга, и через минуту показался сам Саламун.

Втроем они немного посовещались, а потом все вместе направились к дому Мулока. Между тем стало совсем светло, на улице появилось много людей. Подъемник на стройке медленно опускал вниз усталых рабочих.

Три друга сами, без посторонней помощи, сделали с телом все положенное в таких случаях. В десять часов приехала похоронная машина, чтобы отвезти Рокию на кладбище. В кузове машины вокруг гроба уселись Мулок, Велу, Мала и Саламун. Все были подавлены. Впереди, рядом с шофером, сел мулла. На его широкой физиономии с редкой бородкой отражалось явное презрение к этим людям и окружавшей их обстановке. Машина медленно поехала по грязной дороге, провожаемая любопытными взглядами жителей квартала.

На работу в этот день три друга не пошли. Вечером они собрались в лавчонке, где продавался туак [2], сзади почтовой конторы на улице Туанку Абдул Рахман [3]. Велу и Саламун выложили на стол по ринггиту [4]. То же самое хотел сделать и Мулок, но друзья запротестовали — пусть он уж не думает о деньгах.

Они разлили туак по стаканам...

Перевел с малайского В. СИГАЕВ.

---

[1] Бечак — рикша, возящий пассажиров на трехколесной педальной коляске. (Прим. переводчика).

[2] Туак — спиртной напиток, изготовляемый из риса.

[3] Одна из оживленных торговых улиц в Куала-Лумпуре.

[4] Ринггит — малайзийский доллар; равен примерно 1/3 американского.

О. Зардарян. ПОРТРЕТ ЖЮЛЬЕТ АВЕТИСЯН.

Выставка произведений членов Академии художеств СССР.

И. Заринь. ЗИМНЕЕ УТРО.

Выставка произведений членов Академии художеств СССР.

Сергей ВИКУЛОВ

ДЕНЬ, ПРОВЕДЕННЫЙ В ЛЕСУ

(ИЗ ЦИКЛА «ПРИРОДА-МАТЬ»)

ЕЛОЧКА ПУШИСТАЯ

Иду по тропочке. Стоят,
колючие, ершистые,
четыре елочки подряд,
а пятая — пушистая.

Стоит на взгорочке, скромна,
от всех других отличная.
Пускай на чей-то взгляд она
не лучшая — обычная.

И рост-то мал, и нрав-то тих —
с такой не знать отрадушки...
Зато в отличье от других
у ней не лапы — лапушки!

Ее бы взять, ее бы взять —
не знаю, за которую,—
и, как девчоночью, пожать,
и отвести бы в сторону.

Пред теми, кто глаза косит
и кто петляет около,
она не юбочкой форсит,
а сарафаном до полу.

Ах, сарафан... Среди берез,
с ромашками в оборочке.
Все необычное до слез
в моей пушистой елочке.

Не так, как все, в рассветный час
шумит,
не так качается...
Такая
каждому из нас
один лишь раз встречается!

Я ВЫРОС В ЛЕСУ

Так точно: я вырос в лесу!
Так точно: я лес обожаю.
И — само собой — уважаю
величье его и красу!

Как дома, я в темном бору:
ни пни не страшны мне, ни кочки.
Ты в нем собираешь грибочки,
я песни и сказки беру.

Ты в лес норовишь с топором,
а то с кузовком на болото...
А я по чащобам с блокнотом,
по рощицам светлым — с пером.

Кружу — то назад, то вперед.
Стою, околдованный бором:
он — бор — зашумит —
так уж хором...
Послушаешь — дрожь проберет!

Пускай для тебя примитив
та песня: ни складу, ни ладу.
А мне он, напротив, в отраду,
тот льющийся в душу мотив.
А в рощицу я попаду —
услышу:
лопочет осина...
Лепечет береза, красива...
Рябина играет в дуду...

А вон, со смычком на весу,
во фраке работает дятел...
И музыкой этой приятен
мне день, проведенный в лесу.

Иду, раздвигая листву,
все дальше — душа нараспашку...
И горюшка нет, что рубашку
о сучья, случается, рву...

ЗЕМЛЯНИКА

Полине

...А ведь помнишь и ты, поди-ка,
как, едва опечет росу,
мы бежали по землянику
с туесочками на весу.

Далеко-далеко от моря,
в полевом да лесном краю,
летом тем
без нужды, без горя
жили-были мы, как в раю.

Только-только что подступала,
погромыхивая с утра,
сенокоса да сеновала
трудно — праздничная пора...

А она уже, земляника,
словно девочка-егоза,
всюду, радостная до вскрика,
попадалась нам на глаза.

Ах, и что она за плутовка,
эта ягода-чародей!
До чего она прячет ловко
щечки алые от людей!

Из-под собственного листочка
чуть выглядывает, робка,
как девчонка из-под платочка,
заприметивши паренька.

Все ей страшно кого-то, дикой.
Ни на шаг от родной земли!..
Потому ее земляникой
люди, видно, и нарекли.

На земле, у земли взрастала,
не рвалась высоко блистать...
И такой вот, какою стала,
никому ни за что не стать!

И сочна, и сладка-душиста,
и, как кровь с молоком, красна...
Дива нету: в лугу росистом —
не в болоте — росла она!

Часто —
все-таки не на грядке! —
молодая, она в жару
с нами словно играла в прятки,
мы включались в ее игру!

Не срывали, а доставали
мы резвунью из-под листа,
на колени притом вставали,
целовали ее в уста.

И хоть медленно прибывало
в туесочках у нас, зато
веселились мы так, бывало,
как нигде никогда никто!

В ДАЧНОМ ПОСЕЛКЕ

В поселке дачном, где ветра
свежи,
нет ни одной нераненой березы.
Не молнии их били, не морозы —
калечили бездумные ножи.

С весны
на бело-сахарных стволах,
забинтовать пытаясь тщетно раны,
они еще не падают, упрямы,
на тех, кто любит их лишь на
словах;

на тех, кто даже песенку не прочь
провыть о них растроганно-
высоко,
и горло всполоснуть потом
их соком,
и в пыль вокруг их землю
истолочь.

Стоят березы... Ласточки снуют
меж их стволов. Стоят каким-то
чудом —
не черные, зеленые покуда,
и тень земле и людям отдают.

СКАЗКА ДЛЯ ВНУКА

...И в лунном свете, льющемся
в окно,
игрушки все утратят вдруг
окраску.
И бабка заведет для внука сказку:
«А было это, внук, давным-
давно...»

«Когда — давно?» — смежив один
глазок,
вопросом внучек бабку озадачит.
«Давно-о... Ну как тебе еще иначе
сказать? Давно! Совсем давно,
дружок.

Когда твоя прабабка молода
была еще... А лес кругом был
целым...
И снег — ты представляешь? —
снег был белым,
и синею в реке была вода.

И прадед твой и в молодости дед
ходили часто вместе на рыбалку...»
И снова озадачит внучек бабку:
«А почему теперь рыбалки нет?»
«Сейчас скажу... Ты только не
спеши...
Твой прадед, дед —
зачем к реке пошли бы,
когда бы в ней не проживали
рыбы —
и окуни, и щуки, и ерши...

Бывало, и ночуют за рекой:
костер запалят, приготовят
ушку...»
Внук спал,
упав на поролон-подушку
горячею и мокрою щекой...

КОГДА МЫ ВЫЕЗЖАЕМ НА ПРИРОДУ

Нам вот чего решить необходимо:
что лучше — выстрел в цель
иль выстрел мимо,
когда мы выезжаем на природу?

И хорошо ли это —
меткий выстрел с ходу,
ну, скажем, по бегущему оленю
(не так уж много их осталось,
к сожаленью...),
по журавлю, трубящему весну,
иль, на худой конец, по кабану?!.

Давайте спросим совесть нашу:
надо ль
из ружей грохать на олимпиадах?
И тем, кто пулей в пулю
попадали,
на шею вешать доблести медали?

И в самом деле, это ли не
скука —
из самопалов раз за разом
стукать?!.
Не больше разве радости
из лука
пустить стрелу, летящую без
звука?
Или копье?..
А то — ружье, винтовка...

При чем тут сила? И при чем
сноровка?!
И без того все громче год от года
гром ружей...

И пустынней все природа.
Ей дух перевести необходимо.

Да здравствует заряд,
летящий мимо!

СЛЕДЫ НА СНЕГУ

Б. СМИРНОВ

Фото Н. АНАНЬЕВА.

Шел обычный урок. Преподаватель давал задания, ученики старательно их выполняли. Только происходило все это не в классе, а на крутой заснеженной горе, и преподаватель, ученики, директор стояли на горных лыжах. Если задания касались почерка, то почерк был особый — след от лыж на снегу, если ученикам ставили оценки, то не в баллах, а в секундах... Короче, шли занятия в детско-юношеской горнолыжной школе Ленинградского областного отдела народного образования.

Горные лыжи... Еще недавно у нас в стране этот вид спорта был не очень популярен, а сейчас им увлекаются повсюду, где есть снег,— от Сахалина до Карпат. Горные лыжи получили у нас права «спортивного гражданства», и Министерство просвещения СССР создало в разных районах страны несколько специализированных горнолыжных школ. Такие школы действуют на Кавказе, в Хибинах, на Урале. Они работают и в равнинных условиях Москвы, Ленинграда, Куйбышева.

...Эту школу мы выбрали не случайно. Штатное расписание здесь солидное: одиннадцать тренеров-преподавателей, более четырехсот учеников. Собственно, единого школьного здания нет, есть шесть отделений, расположенных в разных уголках Ленинградской области: где нашлись подходящие горы, там и были созданы базы, там в окрестных селах набирались ученики, и там проводятся сейчас занятия. Один такой филиал работает в знаменитом Кавголове, другие — в Парголове, Кузьмоловском, Куйвози, Можайском, Мичуринском.

Мы поехали в Мичуринское; на базе «Эдельвейс» собрались для подготовки к соревнованиям лучшие ученики из всех филиалов школы. Небольшой аккуратный домик расположился меж высоких старых елей. Дом построен совсем недавно, но особый колорит горнолыжной базы уже прочно укоренился в этих стенах. Плакаты в комнате отдыха, снимки соревнований, рядок тяжелых спортивных ботинок на скамейке у печки... Крутая лесенка ведет в хранилище. Здесь в стеллаже матово поблескивают лаковой гладью разноцветные металлические и пластмассовые лыжи. Много мест в стеллаже пустует: эти лыжи сейчас на горе, на ногах у ребят. Склон начинается прямо с крыльца базы широкой и длинной просекой, круто уходящей вниз. Сбоку тянутся тросы канатно-буксировочного подъемника, а на снегу... идет урок.

— Делаем серию поворотов в прыжках! Сначала точка опоры на носки... Так, так... Теперь на пятки! Закончили?.. Всем вниз, к подъемнику!— командует преподаватель Владимир Федорович Петров.— Следующее упражнение: повторное глиссирование...

Ребята гурьбой покатились под гору, словно горсть гороха просыпалась с ладони. Столько легкости и свободы было в их движениях, что, казалось, они уже много-много лет носятся по горам на широких упругих лыжах. А ведь под ногами горнолыжников не воспетый туристами пушистый снежок, а плотно укатанный, льдистый, изрытый буграми крутой склон, на котором и устоять-то мудрено, не то что мчаться со скоростью легкового автомобиля...

Внизу, там, где горнолыжники цеплялись за трос подъемника, я расспросил некоторых ребят, сколько лет они катаются, не мешает ли спорт занятиям в школе. Ответы были почти одинаковы: катаются два—четыре года, учиться в последние годы стали даже лучше — настойчивости больше появилось в характере... Так говорили самые разные по возрасту—от десятилетних малышей до старшеклассников. Правда, на горе разница в возрасте почти не ощущается, пожалуй, малыши даже смелее, азартнее бросались вниз по склону в частокол слаломных ворот.

— Я настолько привык к тренировкам, что в свободные дни даже скучно без лыж,— говорил мне Виктор Байкалов.— Раньше родители не очень одобряли, что я спортом стал заниматься, а теперь, видно, поверили, что это всерьез. Хватает ли времени? Честно говоря, раньше больше по поселку просто так болтался...

— А у меня родители были против того, чтобы я на горных лыжах каталась!— рассказывала Тамара Гонорович, капитан женской сборной команды спортивной школы.— Боялись, что я разобьюсь... А я все равно потихоньку убегала на тренировки, теперь, знаете, как довольна!

...Интервью заканчивались быстро: лыжники торопились наверх, к тренеру. Каждый из них должен был, выполняя задания, еще раз по тридцать спуститься с горы. Время, усилия, нагрузки... Окупится ли труд спортсменов? Ведь одно время шли разговоры о том, что горнолыжники могут расти только на больших горах, а здесь лишь холмы да откосы...

Этот вопрос я задал директору спортивной школы — в недавнем прошлом одному из ведущих наших горнолыжников, участнику Олимпийских игр, опытному тренеру В. Б. Мельникову.

Вячеслав Борисович медлил с ответом — ждал, пока ученики соберутся на вершине горы.

— Посмотрите на этого паренька, видите, спускается вторым. Андрей Бульбочка. Ему тринадцать лет. А почерк у него уже сейчас мастерский! Очень хорошо выступает. В составе детской сборной команды страны ездил на соревнования за границу... А в горах он никогда не жил! Есть у нас и другие способные ребята — двое старшеклассников, например, хорошо выступали на зимней Спартакиаде народов СССР, стали мастерами спорта... Кстати, о горах. Вот вы говорите, откосы, а эта трасса с перепадом высот — сто метров. Хорошо бы, конечно, иметь под рукой склон трехкилометровой длины, но малышей на такой длинной трассе обучать все равно еще рано: слишком большая для них нагрузка. Но если они научатся как следует преодолевать короткие трассы, то и в больших горах смогут бороться...

Мельников стал директором детской горнолыжной школы всего два года назад и отдает теперь своим питомцам свой шестнадцатилетний опыт спортсмена и тренера. За это время построена новая база, тот самый карельский «Эдельвейс», собран спортивный инвентарь, проведены летние и зимние сборы. Но главное, к чему направляет все свои усилия новый директор,— установить правильное отношение ребят к занятиям.

Вот она, трасса слалома.

— Все пойдет насмарку, как только мы начнем гнаться лишь за спортивными результатами! — говорит Вячеслав Борисович.— Если наш ученик хорошо учится в обычной школе, значит, и у нас ему легче будет разобраться во всех тонкостях горнолыжной техники.

— Значит, двоечникам путь на гору закрыт?

— В нашей школе — безусловно!

В. Б. Мельников и его питомцы.

На занятиях.

Падать тоже надо умело.

Разминка.

ЗАРЕВО НАД ДОНБАССОМ

Алексей ИОНОВ **РОМАН** **Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА**

IV

Утром босоногая, с потемневшими за ночь подглазьями Наташа проводила его до калитки и, порывисто вскинув ему на плечи обнаженные руки, сказала с мольбою:

— Ты ж смотри не попадись этим вурдалакам. Ничего мне не жалко, ничего, только был бы ты со мною, только б ты...

Потому ли, что сейчас и сам он очутился в отчаянном положении, мысль о беззащитности жены опалила его душу. Как бы ища спасения, он пугливо повел взглядом по камере. Ответные взгляды людей, их позы выражали полную обреченность, и Андрей понял, что никто не в силах помочь ему, и проникся щемящей жалостью к себе, к Наташе, к этим несчастным, затравленным людям.

...К вечеру пучеглазый, громыхнув задвижкой и приоткрыв дверь, спросил суматошливо:

— Русакоф?

— Я!— откликнулся Андрей, невольно вздрогнув и приподымаясь с пола.

— Виходит!

Другой охранник, ожидавший арестованного у выхода из подвала, узнав Андрея, торопливо завозил рукою по кобуре. Это был тот самый гестаповец, который утром на допросе дважды ударил его резиновой палкой. Он и теперь все время толкал Андрея в спину, торопил:

— Шнелль! Шнелль!

В кабинете с окнами, задернутыми черными шторами, с горящей на столе электрической лампой под жестяным абажуром, на этот раз находились Путэр и еще один офицер — во френче, крагах, высокий и тонконогий, словно голенастая болотная птица. Он напомнил Русакову бабу-ягу: у него было невероятно узкое, асимметричное лицо, впалые щеки, тонкий, как у покойника, нос. Левая щека и веко гестаповца подергивались, будто по ним пробегал электрический ток. Под острым, резко выпяченным кадыком мрачно поблескивал «Железный крест». Андрей почувствовал опасность предстоящего допроса.

Скрытый наполовину тенью, криволицый пристально, исподлобья посмотрел на Андрея и, дернув щекой, спросил что-то у Путэра. Тот, пошарив на столе пухлыми розовыми пальцами, вынул из-под бумаг четки.

— Затшем так сериоз?—с ласковым прищуром пожурил Путэр, а повернувшись к своему шефу, добавил жестко:— Дас ист зэр гефер-лихер файнд[1].

Андрей молчал. Поняв, что немецкая речь ему недоступна, гестаповцы стали разговаривать меж собой не таясь, как бы забыв о заключенном. Путэр, то перебирая четки, то приглаживая редкие волосы на своей младенческой пролысине, увлеченно излагал что-то начальнику, а начальник, опершись вытянутыми руками о край стола, одобрительно кивал. Андрею показалось, что гестаповцев занимает нечто более важное, чем его персона. Между тем именно о нем-то они и говорили сейчас, окончательно решая его участь, и если бы он понимал язык, то содрогнулся бы от их слов.

— Этот юный красавец,— сказал Путэр, привычно пощелкивая пахучими сандаловыми кубиками,— несомненно, парашютист или радист, заброшенный к нам в тыл с определенным заданием, но прикидывается невинной овечкой. Он задержан сегодня утром на городском рынке. Взгляните на его шелковую рубашку: точно такие носят советские парашютисты. Я полагаю, никакой информацией мы от него не поживимся. Мы сегодня пощекотали его немного. На резину он реагирует, как истукан, такие на краю могилы продолжают фанатически твердить свои заученные догмы о родине. Посмотрите, как он постарался скрыть главную улику: испачкал и измял свою рубашку, а еще несколько часов назад она была чиста, как нильская лилия. Наивная славянская хитрость!

— Рубашка — это единственная улика?— со старческим клекотом в горле спросил криволицый.

— Да, но главная улика,— возразил Путэр,— то, что он остался в нашем тылу, и от него, штурмбаннфюрер, нам нельзя ждать ничего, кроме пули из-за угла.

— Он в чем-либо признался?

— Нет,— ответил Путэр с досадой.

— Вы не пробовали подкупить его? Если он укажет явки, выдаст сообщников и скажет, какое они имели задание, то можно пообещать ему гектар земли или корову.

— Господин штурмбаннфюрер,— проворковал Путэр, воздевая к шефу глазки, преисполненные обожания.— Неужели я не чувствую, кому и что можно обещать?!

— Может, отправим его на работы?— чуть клоня голову, спросил криволицый.— Этот крепыш сможет ворочать за троих. Что он умеет делать?

Путэр скептически ухмыльнулся.

— В паспорте у него отмечено...— Он кинул четки на запястье левой руки и дернул выдвижной ящик стола. Криволицый скупым жестом позволил ему не показывать документа.

— По паспорту это горный механик,— услужливо пояснил Путэр.— Имеется отметка, что он работал на угольной шахте, но ведь такие не бывают покорными.— Он умолк, поджав губы.

Криволицый присел на угол стола и с минуту пристально рассматривал Русакова.

«Прекрасное сложение, средний рост, молодцеватая выправка... Густые темно-русые волосы... Давненько он и не брился, но это, видно, не по неряшливости, а с горя. Зоркие карие глаза с правильным разрезом, прямой недлинный нос, красиво очерченные губы. В семье он был, наверное, добряк, а тут смотри-ка — прямо жжет меня глазами. У него должен был еще полыхать румянец во всю щеку, но этому парню пришлось, видимо, изрядно поголодать. И все-таки крепок, бестия! Он, конечно, ненавидит нас. Почему он не отступил с армией, а остался здесь, в занятом нами Торецке? Путэр, пожалуй, прав: это опасный враг. Жалко, нет времени вырвать из него признание».

Посуровев и дергая теперь уже всем лицом, он спросил, полуобернувшись к Путэру:

— Что вы предлагаете?— И подсказал едва слышно: — Умлеген? [2].

— Йя, нур[3],— поддакнул Путэр отрывисто, точно клацнул затвором.

— Нимт ин [4],— бесстрастно сказал криволицый.

V

Сидя в камере, на своем месте у стены, Русаков отчаянно напрягал память, стараясь разгадать смысл слова, которое, вероятно, предрешило его участь. «Если бы немец сказал что-то о работе, об отправке в Германию, в лагерь, то по этим словам — арбайт, Дойчланд, лагер — Андрей понял бы его. Но нет — криволицый как-то нетвердо, с сомнением, как бы и сам боясь этого слова, спросил необычайно тихо: «Умлеген?» «Леген, леген...— мысленно повторял Андрей, не находя ответа.— Лекен — течь, лерен — учить, лезен — читать, леген. О! — Он чуть не вскрикнул от озарившей его догадки. Леген — класть! А умлеген? Что, они замыслили меня положить? Куда положить? Зачем?»

— Что ты, сынок, закручинился?— ласково окликнул староста.— Иди-ка сюда.

Эта необычная нежность, уместная в тюрьме лишь в минуту прощания, только укрепила подозрение Андрея в том, что песня его спета, что теперь он человек конченый, он обречен, отжил, пропал.

Он снял туфли и, держа их в одной руке на отлете, а другой балансируя, протискивая ноги между простертыми на полу телами, проковылял к старосте и вдавился рядом.

— Что, опять колотили?— шепотом спросил староста, приблизив губы к самому уху Андрея и щекоча бородой его шею.

— Сейчас не колотили,— сказал Русаков с облегчением и оторопел: он не знал, зачем водили его наверх еще раз, а таинственность, неизвестность страшат человека куда больше. В его ушах продолжало звучать загадочное слово, и он боялся повторить его старосте, который, возможно, мог бы открыть его ужасный смысл.— Не знаю, зачем и водили туда, наверх...— продолжал Андрей, как человек, отважившийся пройти по тонкому льду и одновременно боящийся, что лед может проломиться.— Посмотрели на меня, ничего не спросили... Потом не Путэр, а другой, видимо, начальник, спросил как-то глухо: «Умлеген?» А Путэр поддакнул ему и злорадно ухмыльнулся.

— Как,— всполошился староста.— Они так и решили — «умлеген»?

— Да, он так и сказал. А что это значит?

— Ну, что оно может значить?— поняв свою оплошность и подавляя испуг, проговорил чернобородый.— Поди разберись! Балабонят, как индюки... А ты не кручинься: скоро принесут баланду, зажгут свет, а там и на боковую...— В голосе старосты звучало братское участие.

VI

К вечеру в камере сгустился сумрак. Лица узников посерели. За решетчатым окошечком медленно угасал день, и на противоположной стене камеры постепенно меркли светлые квадраты. Они растравляли душу Русакова воспоминаниями...

По вечерам в приземистом родительском домике под навесом белых акаций, где протекали его детство и тревожная студенческая юность, заря вот так же вязала на стенах и крашеных половицах зыбкое кружево теней. В эту пору Андрей, возвратившись с шахты и пообедав, брал свежие газеты и сидел с полчасика у распахнутого окна, а потом сумерничал на лавочке у калитки, наслаждаясь звуками вечерней улицы, которые после тишины подземелья кажутся шахтеру музыкой самой жизни. Но вот солнце скрывается за величаво-угрюмым терриконом; растворяясь в густой

Продолжение. См. «Огонек» № 1.

[1] — Это очень опасный враг.

[2] — Уничтожить? (жарг.).
[3] — Да, только.
[4] — Возьмите его.

синеве, тускнеют и гаснут облака, похожие на распущенные веером павлиньи перья, меркнет и кружево теней на стенах. На дворе, в летней кухоньке, Наташа, угрозами и посулами заманив с улицы пятилетнего Игорька, моет ему в тазу ноги, а хлопотунья бабушка тем временем готовит вихрастому внуку ужин и с мягкой укоризной (о, эта извечная распря бабушек и внуков!) выговаривает за непослушание:

— Скажу деду, чтоб не баловал тебя мороженым. Что ж это за порядки такие? Кличешь, кличешь, а он и ухом не ведет. Неслу́шник...

— Слушник! Слушник!— обидчиво выкрикивает Игорек, болтая ногами в мыльной пене.

Скоро Игорек угомонится, и под ласковым приглядом бабушки, забавно посапывая, уснет в деревянной кроватке. Бабушка же, забыв о недавних назиданиях и обидах, выйдет за калитку и будет с тревогой ждать возвращения с шахты мужа, вспоминая свои девичьи годы.

Тем временем Андрей — через семь-восемь часов сиплый гудок покличет его на работу — нежится в полусне, блаженно раскинув руки. В соседней комнате Наташа. Вот она захлопнула окна на веранду и, заглянув к Игорьку, скрипнула дверью. Сейчас она остановится у зеркала, начнет вынимать шпильки из волос. Лежать на спине Андрею утомительно и больно. И почему так нестерпимо ноет плечо? Разве он ударился в шахте о породу? Или его прохватило неистовыми подземными сквозняками? Ах, дурень! Пока думал о ноющей лопатке, потерял из виду Наташу, вот уже не слышно и ее шагов. Куда же она запропастилась? Не она ли это стонет? Она! Что там случилось? Русаков встрепенулся...

Сновидения исчезли. Не было ни дома, ни постели, ни Наташи. Андрей растерянно уставился на старосту, на плече которого, видимо, проспал несколько часов. Тускло светила под потолком лампа в проволочной сетке, лежали вповалку заключенные. Они не спали, прислушиваясь к голосам и суматохе в коридоре.

— Сядь! Сядь!— испуганно просипел староста.— За нами наблюдают. Клади голову на плечо, не шевелись.

Оказывается, это только он, Русаков, блуждал в радужных сновидениях, а вся камера давно уже не спала и с тревогой прислушивалась к тому, что совершалось за дубовой, окованной железом дверью. Вот лязгнул дверной засов, кто-то ругнулся отрывисто и хрипло, послышались торопливое шарканье ног, скороговорка немецкой речи и женский голос — захлебывающийся, истошный:

— Звери! Что вы делаете?! А-а-мм...

Голос внезапно сник, послышался изнеможенный стон.

Мимо двери враздробь простучали каблуки, клацнула в конце коридора железная решетка, и все стихло.

Вдруг топот послышался у самой камеры.

— Вас хаст ду фон ир абгериссен? Дас ринг? Гольднес?[1] — вкрадчиво выпытывал голос, удивительно похожий на голос Путэра.

— Дрэк... Нихт мер альс драй грамм... Зи вольте нихт абгэбэн[2],— с напускным безразличием, возможно, стыдясь своей жадности, ответил другой.

Дверь распахнулась, и надзиратель приказал:

— Русакоф! Виходит!

Андрей поспешно накинул на левое плечо тужурку (ох, как заныли мышцы!), схватил туфли, повернулся к старосте.

— Спасибо,— поблагодарил он растроганно.— Может, еще увидимся...

— Прощай, прощай, сынок...— судорожно толкнувшись лицом в шею парня, отозвался чернобородый.— Прощай, милый...

Андрей на миг задержался у порога, чтобы в эти, быть может, последние для него минуты сказать тем, кто остается в камере, что-то ободряющее, идущее из глубин его сердца. Но надзиратель, мотая замком, торопил:

— Виходит! Виходит!

Дверь за спиной Андрея гулко захлопнулась, и едва он успел уронить туфли и на ощупь сунуть в них ноги, немец толкнул его

---

[1]—Что ты сорвал с нее? Кольцо? Золотое?

[2]— Дрянь... Не больше трех граммов... Она не хотела отдавать.

в спину. Андрей ужаснулся: перед ним в скупом озарении запыленной лампы стоял Путэр. Он предупредительно выставил руку, повелевая Русакову остановиться.

— Улибка давай!— приказал он сдавленным шепотом.

Андрей не понял, чего от него хотят.

— Улибка, улибка давай! — сердито требовал Путэр. Он попытался мимикой пояснить свое требование, но, не стерпев, схватил Андрея пальцами в шершавой кожаной перчатке за подбородок, запрокинул ему голову и стал раздирать рот, повторяя:— Улибка, улибка давай!— Сдавив Андрею щеки, немец принудил его раскрыть рот и обнажить зубы. Мотнув туда-сюда головой, Путэр с обезьяньим проворством заглянул Андрею в рот, брезгливо оттолкнул его и показал в направлении выхода:

— Раус! [1].

Когда гестаповец мотал головой, Андрей снова заметил у него в ушах комочки белой ваты. Во дворе в сумраке ночи Русаков различил очертания грузовика с выступающими над его бортами силуэтами человеческих фигур и нескольких немецких солдат с широко расставленными ногами и опущенными автоматами, застывших смутными привидениями у ворот.

За стеклом кабины помаргивал пунцовый огонек сигареты. Запах табачного дымка мешался с запахами бензина. После зловония, пропитавшего в камере одежду и тело, свежий вечерний воздух с набегавшим из соседнего дворика горько-миндальным ароматом цветущих вишен показался Русакову сладким, целебным, и он хватал его в полную грудь, по-шахтерски.

Вспомнив о камере, Андрей как бы снова увидел сумрачный коридор, тумбочку у стены и лежащие на ней слесарные плоскогубцы. «Зачем они, для чего? А! — ужаснулся он своей догадке.— Это они рвут плоскогубцами золото изо рта! Окажись у меня хоть одна золотая коронка, Путэр выдрал бы ее вместе с зубом!»

Гестаповцы вывели из подвала и погрузили в машину еще нескольких узников и в их числе — худенькую девчушку в мятом платьице, зябко поводившую плечиками и с тревогой поглядывавшую на сидевших в кузове грузовика.

— А мамы нету?— тихонько спросила она, встав на цыпочки у машины.— Мама! Мама!— позвала она чуть громче, ожидая, что мать отзовется.

Кто-то подал ей руку и помог влезть в кузов.

Трое конвоиров по знаку Путэра тоже вскарабкались в кузов. Двое из них, повесив автоматы на шею, цепко ухватились за лежавший у шоферской кабины брезент и рывками растянули его над поникшими головами пленников.

Путэр пристально обыскал взглядом двор, защелкнул борты грузовика, потрогал висящий на поясе «вальтер» и мешковато полез в кабину. Грузовик попятился, хлестнул светом фар по кирпичной стене и медленно пополз к воротам.

VII

«Неужели,— думал Андрей со смутным раскаянием в чем-то и сознанием непоправимости совершающегося, —неужели все это будет так обыденно, так просто? Неужели вывезут нас в какое-то глухое место, в каменный карьер или овраг, стянут по одному с машины и... перестреляют? Да нет, быть того не может! Да и девочка с нами... Девочку-то они не станут расстреливать. Ее-то за что?»

Дунул ветер, завернул край брезента, и Андрею, сидевшему у борта, открылся вид на городские кварталы.

«Ну вот: нас даже не отправляют в Германию, везут мимо станции», — тревожно подумал он, когда грузовик повернул с заводской улицы налево, на Макеевское шоссе, и с включенным мотором, повизгивая тормозами, покатился под изволок, к речной переправе.

Впереди, за разбросанными по увалу, нахохлившимися домишками и темными палисадниками, на небе проступали пурпурные прожилки, нижние кромки облаков наливались клюквенным соком. Над угрюмой донецкой степью робко занимался рассвет.

Светлокосая и продрогшая девчурка стеснительно жалась к Русакову в надежде на его сочувствие и защиту.

— Дядь, куда нас везут? — подняв лицо, чуть слышно спросила она.

— Не разговаривай,— Андрей ласково коснулся ее прохладной ручонки.— Нельзя...

— Дядь, у вас нету хлебушка? — не унималась беленка, заглядывая из-под брезента в лицо Андрея жалобно, с мольбою. — Я не ела со вчерашнего дня.

— Ну что ты... потерпи...— растерянно сказал Андрей, не зная, чем утешить страдающего ребенка. — Скоро приедем, там, наверное, дадут.

Нет, он не лгал: он надеялся и верил, что везут их куда-то на работу — может, в Макеевку, на завод или шахту, а может, на Миус, ближе к фронту — рыть для немцев траншеи.

Девочка поглядывала на Русакова с ожиданием и надеждой.

— А ты чья? Откуда? — тихо спросил Андрей, наклонясь к девчурке и ощущая щекотное прикосновение ее косичек.— Как ты попала к немцам?

— Меня привезли вчера вместе с мамой. Дядя немец сказал, что мама красивая и ей дадут работу. Ее увели, я заплакала, а дядя немец толкнул меня и сказал: «Если будешь плакать, увезем твою маму далеко-далеко». И я больше не плакала. А куда они увезли мою маму?

Она ждала ответа. Ведь взрослые — она свято верила в это — всегда знают все.

Но что он мог ответить?..

Девочка опустила голову, и Андрей, хоть и не видел ее лица, по судорожно вздрагивающим плечам догадался, что она плачет.

Душа Русакова полнилась гневом. Но черневшие по углам кузова фигуры конвоиров с автоматами на изготовку и сознание, что его заступничество будет сразу же оборвано ударом или автоматной очередью и лишь прибавит мучений людям, смиряли его.

«А может, тут, на Донской стороне, в какой-нибудь школе, — пытался он успокоить себя, — немцы оборудовали концлагерь? Говорили же, что есть лагерь во Дворце культуры металлургов на Смоляной горе...»

Перебежав по зыбкому, скрипучему настилу речушку, почти неприметную в тумане, машина повернула направо, в узкую, ухабистую улочку. Со взгорья потянуло предутренним ветерком, и на Русакова пахнуло запахом детских волос. Этот запах напомнил ему сынишку, Игорька, и он, затосковав, с минуту глядел сквозь слезы на сумрачно-огненные полоски зари.

«А не последний ли это путь? Как же это можно? Чужие люди на моей земле, вблизи от моего дома отнимут у меня жизнь!.. И никто, никто не будет знать! Мама и Наташа моя милая будут ждать, и ждать, и плакать».

Втягивая голову в плечи, он шарил взглядом по дощатым заборам и калиткам, по наглухо пришпиленным баутами ставням. Но мертвы, безгласны были подворья рабочей слободки: ни человека, ни огонька, ни звука. И впервые за время войны он почувствовал, что ему грозит что-то жестокое, беспощадное и что развязка близка, неотвратима.

Грузовик, не сбавляя скорости, влетел в заросший бурьяном двор шахты «Калиновка», развернулся, придвинулся задним бортом к надшахтному зданию, и немцы с поспешностью пожарных спрыгнули на землю.

Русаков знал эту окраину. «Калиновка» издавна считалась заброшенной шахтой и пользовалась в народе недоброй славой. Давно в ее оскудевшие недра не вторгался ни один человек, уж сколько лет оставались недвижимыми на ее копре ржавые шкивы, не вызванивал у ствола унылые сигналы рукоятчик, не слышалась на эстакадах веселая перебранка откатчиц... Только в поросших донником развалинах надшахтного здания, в темных галереях сортировки и на склонах давно угасшего ржавого терриконa поселковые мальчишки-сорванцы, вооружившись самострелами и деревянными мечами, разыгрывали нескончаемые баталии да под дырявой крышей хмурого копра гнездились голуби-дикари.

Каким запустением, какой вселенской печалью веяло от этого одичалого шахтного двора, покосившихся деревянных эстакад, недвижимого стального шкива на копре, под хмурыми облаками!

Спрыгнув на каменистую землю, один из солдат сказал что-то непристойное или смешное. Вояки хохотнули в четыре глотки, и сейчас же двое захрустели каблуками по шлаку, удаляясь от машины.

Заключенные продолжали стоять в грузовике на коленях, со втянутыми в плечи головами, судорожно сведенными плечами, в напряженном ожидании неизвестного.

Путэр вышел из кабины, деловито осмотрелся, охлопал ладонью сизые от пыли галифе. Потом скрылся в развалинах надшахтного здания. Минуты через две-три он крикнул оттуда:

— Лёз! [2].

Позади Русакова стоял на коленях пожилой мужчина в кепке с мазутными пятнами. На всем протяжении недолгого пути он упирался в спину Андрея и дышал хрипловато, с присвистом — такое жесткое дыхание нередко бывает у старых шахтеров. Внезапно один из солдат сдернул соседа Андрея с грузовика и потянул от машины.

— Куда? — оторопело спросил шахтер.

— Дахин! — сказал солдат.

Через полминуты из развалин послышались кряхтенье, возня, натужный возглас: «А-а, сучье отродье!», — отборная ругань и выстрел.

Пленники содрогнулись. У Андрея часто забилось сердце. Из-под копра, хлопая крыльями, рванулась стая голубей. Их тени зигзагом мелькнули по земле и исчезли. Андрею не терпелось оглянуться, но он страшился: перед ним, уродливо изломившись на спинах узников, неотступно маячила головастая тень конвоира. Ссадины на спине тягуче ныли от прикосновения жесткого брезента.

Задев Андрея, волосатая мужская рука схватила девочку за платье и потащила ее. Холодея, он ощутил прикосновение чужой руки и оглянулся. Солдат сделал знак: «И ты тоже!»

— Ком, ком! — покрикивая, торопил Путэр.

Девочка, идя к пролому в стене впереди Андрея и солдата, обернулась, приложила к груди тонкие ручонки, съежилась, точно входя в студеную воду, пролепетала горячечным шепотом:

— Дядечка, не убивайте меня...

Немец, не зная чужого языка, не понял ее. Его злило, что она замешкалась без видимой причины, и он толкнул ее в плечо.

Шажки ее вдруг стали сбивчивы, неровны, она споткнулась о камень и от боли заскакала на одной ноге.

— Шуэ! — крикнул солдату шофер.— Ботинк! — пояснил он по-русски.

Каратель, казалось, не слышал его. Прилипнув взглядом к Русакову, он сбил девочку ударом под ноги. Она ойкнула и рухнула в ствол.

— Хальбшуэ! [3] — бросил солдат, сопроводив свое требование энергичным жестом.

Путэр ждал на чугунных плитах у ствола, надсадно сопя. Его отведенная назад правая рука была так напряжена, и так мрачно смотрели его глаза, что он, казалось, сейчас прянет или нанесет кому-то удар.

«Это смерть?!»—немо крикнул Русаков. Сердце его колотилось бешено, неукротимо: «Жить! Жить!» Наклонившись над туфлей, он увидел черный провал ствола и опущенный в него толстый ржавый канат. «Прыгнуть?!» Пальцы затрепетали, запутались шнурки. С трудом он распутал их и разулся. Потом он снял кепку, поднял глаза к копровому шкиву и, словно оцепенев, посмотрел туда, откуда свисал канат. И вдруг, что было силы хряснув Путэра ногой в живот, он схватился за канат рукой с надетой на ладонь кепкой и заскользил в бездну.

Продолжение следует.

[1] Выходи!

[2] — Начинайте!

[3] — Ботинки!

220 ПРОТИВ 127?

Казавшееся нелепым выражение «все до лампочки» вдруг обрело конкретность. В большом московском магазине с богатым выбором электротоваров почти не было электроламп на 127 вольт...

Я направился в другой магазин объединения «Свет». Тот же ответ: «На 127 вольт не имеется».

— Ну, а миксер, тостер или ростер,— допытывался я, перечисляя столь нужные в быту электроприборы.

— И не ищите! Разве что случайно купите. Все электроновинки делаются с расчетом на напряжение в 220 вольт.

Тогда я обратился к знающим людям, чтобы уточнить: много ли в городе квартир с электросетью в 127 вольт? «Почти треть»,— сказали мне. Почти треть столичных домов имеет электрооборудование на 127 вольт. Знают об этом и в Министерстве торговли. И сетуют:

— Мы ежегодно упрашиваем электротехническую промышленность: дайте приборы на 127 вольт. Дайте! На полках магазинов с каждым годом появляется все больше электроновинок. А покупатели уходят с пустыми руками. И кофеварки, и кофемолки, и те же тостеры, превращающие ломтик обычного хлеба в ароматный, с зарумяненной корочкой сухарик.

Да что тостеры и ростеры! Самовары, чайники, пылесосы — все они рассчитаны на 220 вольт. Стиральные машины, электроплиты, современнейшие электрокамины — предел уюта и комфорта. Смотрю на выходные таблички: всюду одна и та же цифра — 220.

В чем тут дело, кто виноват? Когда-то было обговорено, что к такому-то году электросеть Москвы будет переведена на напряжение 220 вольт. Из этого и исходила промышленность, выпускающая электробытовые товары. Но когда выяснилось, что еще немало лет пройдет, пока во всех жилых домах столицы электроосвещение будет переведено на 220 вольт, руководители электротехнической промышленности «забыли» внести коррективы в свои планы. Электролампы, бытовые приборы на 127 вольт стали дефицитными. Их выпускают в мизерных количествах, неохотно, как одолжение.

Где же выход? «Разработка новых бытовых электрических приборов осуществляется в основном на напряжение 220 вольт. Для нормальной эксплуатации имеющегося у потребителей парка... приборов на 220 вольт в домах с электропроводкой на 127 вольт промышленность выпускает трансформаторы и автотрансформаторы...» — ответили мне из Министерства электротехнической промышленности СССР. Стало быть, покупаешь электрогрелку за рубль двадцать, приплачивай три, а то и пять рублей за трансформатор? А если в доме имеется действительно «парк» электроприборов — холодильник, камин, утюг, кофеварка, чайник? Что же — покупать пять трансформаторов? А если еще пылесос и стиральная машина? «Можно один трансформатор использовать на два, а то и три прибора»,— объясняют мне специалисты. Закончил стирку, бери трансформатор и волоки его в кухню, чтобы кофе сварить, а потом — в комнату, к камину. Забудешь? Мотор стиральной машины может сгореть? Пеняй на себя. Видимо, руководителям электротехнической промышленности надо искать другой выход из так нелепо сложившихся обстоятельств.

К. КОСТИН

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ

Среди тысяч коллективов, принявших встречный план на 1975 год, и столичный комбинат «Трехгорная мануфактура» имени Ф. Э. Дзержинского. На комбинате значительно вырастет производство тканей. В году завершающем здесь будет выпущен миллиардный с начала пятилетки метр ткани. А ситцы, сатины, штапель и шелк Трехгорки — на любой вкус и возраст — пользуются большим спросом: их охотно берут покупатели, они получают высокую оценку на международных выставках.

За годы девятой пятилетки старейшее текстильное предприятие получило много новой техники, в том числе и современные прядильно-крутильные агрегаты, выполняющие сразу четыре операции.

Среди тех, кто успешно освоил новые машины, и молодая прядильщица Галя Васина. Ее трудовая жизнь началась вместе с девятой пятилеткой. Изучив две смежные профессии, она за эти четыре года стала опытной, передовой работницей прядильного производства.

Фото А. Бочинина и Ю. Михайлова.

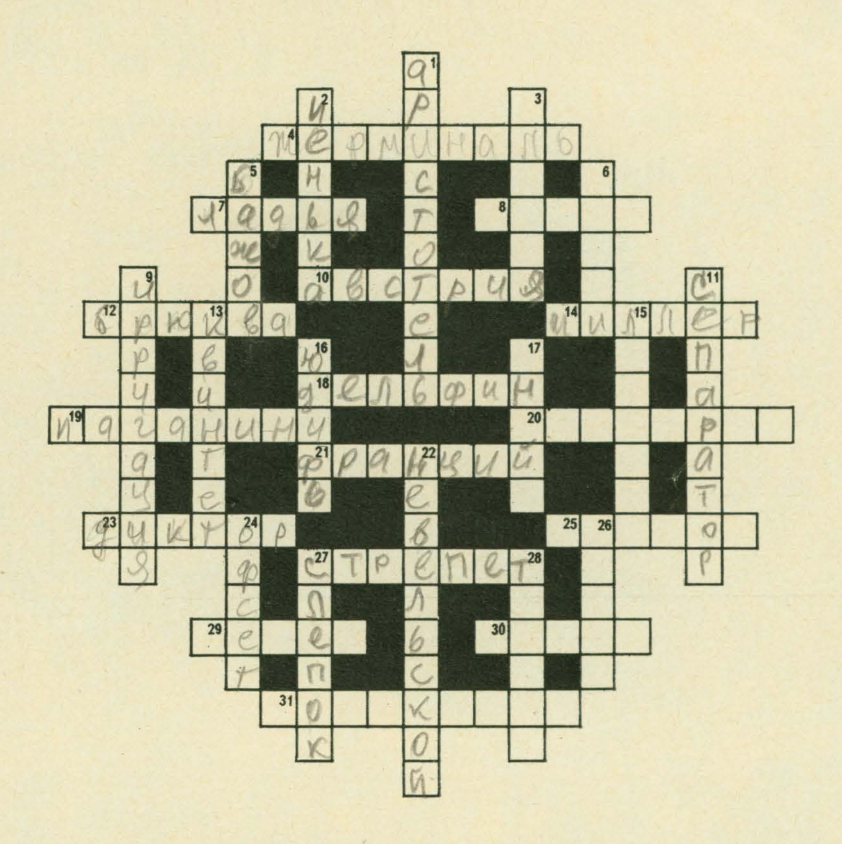
КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Роман Э. Золя. 7. Шахматная фигура. 8. Минерал. 10. Государство в Европе. 12. Овощ. 14. Немецкий поэт и драматург. 18. Морское млекопитающее. 19. Итальянский скрипач. 20. Экваториальное созвездие. 21. Химический элемент. 23. Работник радиовещания. 25. Лепное украшение. 27. Птица отряда дроф. 29. Трагедия Еврипида. 30. Драгоценный камень. 31. Повесть Л. Н. Толстого.

По вертикали:

1. Древнегреческий мыслитель. 2. Волокно из стеблей конопли. 3. Приток Дона. 5. Советский писатель. 6. Курорт в Армянской ССР. 9. Искусственное орошение. 11. Аппарат для отделения одного вещества от другого. 13. Ансамбль из пяти исполнителей. 15. Город в Польше. 16. Опера А. Н. Серова. 17. Река в США. 22. Русский исследователь Дальнего Востока. 24. Способ печатания. 26. Государство в Азии. 27. Точное воспроизведение предмета, отлитое из гипса. 28. Рыба семейства сельдевых.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 1

По горизонтали: 4. Медиана. 7. Халат. 8. Апуре. 9. Аврал. 10. Вольта. 11. «Прерия». 15. Чечетка. 17. Наина. 18. Консоль. 20. Морфология. 21. Ацидофилин. 23. Монблан. 25. «Арион». 26. Штурвал. 27. Аккорд. 28. Спаржа. 29. «Клоун». 31. Этика. 32. Иртыш. 33. Лемешев.

По вертикали: 1. Флейта. 2. Григорович. 3. Кинжал. 5. Плотва. 6. Кубрик. 10. «Вечеринка». 12. Ярославна. 13. Андижан. 14. Вакцина. 16. Колба. 19. Офорт. 22. Гидросфера. 24. Нарвик. 26. Шапито. 29. Карета. 30. Никель.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Пушистый снег, густая синева неба, радость полета привлекают сотни горнолыжников в солнечное Приэльбрусье.

Фото А. Бочинина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 16/XII—1974 г. А 00695. Подписано к печ. 30/XII—1974 г. Формат 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 191. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 3151.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Дорогая редакция!

Есть у нас на заводе одаренный человек. Он и лучший токарь с 25-летним стажем, имеющий личное клеймо, он и рационализатор, и смелый турист, и отличный фотомастер. Он же член президиума совета физкультуры. Я пишу о Николае Ивановиче Данилове.

Недавно в заводском Дворце спорта состоялась фотовыставка Н. И. Данилова «Человек и природа». Его снимки рассказали всем нам, его давнишним заводским товарищам, о романтике дальних дорог, о радости общения с зеленым миром, об отдыхе.

Фотографии Н. И. Данилова всегда желанны на страницах нашей многотиражки. Совсем недавно Николай Иванович был награжден дипломом Красногорского механического завода и редакции журнала «Советское фото». Думаю, что и читатели «Огонька» с интересом отнесутся к работам московского токаря.

В. СУКОЧЕВ,
сотрудник многотиражной газеты завода «Знамя труда»

Впереди — два выходных...

Мать.

Полярный Урал. Гидросамолет высадил туристов на пустынном озере.

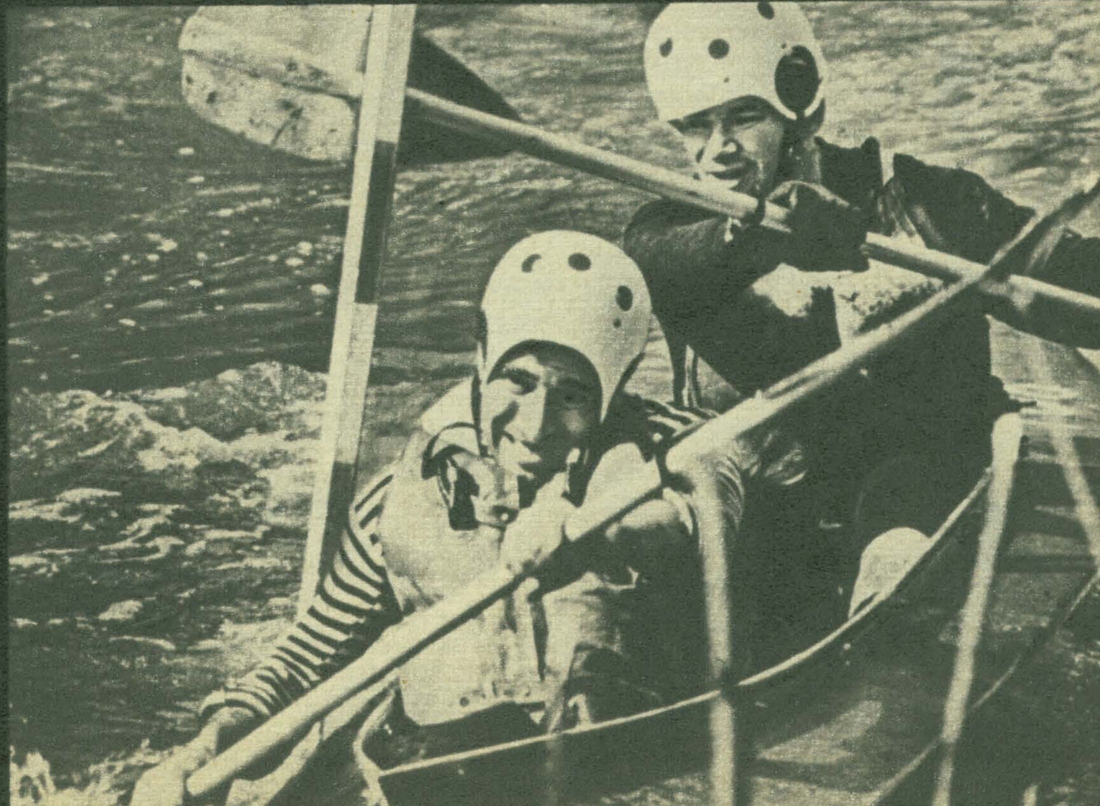
«Где тонко, там и рвется».

ФОТОГРАФИРУЕТ ТОКАРЬ ДАНИЛОВ

Слалом на воде.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663